

НИКОЛАЙ ЗАДОРНОВ

СИБИРИАДА

Гимода

Адмирал Путятин

Николай Задорнов

Симода

«ВЕЧЕ»

1975

Задорнов Н. П.

Симода / Н. П. Задорнов — «ВЕЧЕ», 1975 — (Адмирал Путятин)

ISBN 978-5-4444-8627-6

Николай Павлович Задорнов (1909–1995) — известный русский писатель, заслуженный деятель культуры Латвийской ССР (1969). Его перу принадлежат два цикла исторических романов об освоении в XIX веке русским народом Дальнего Востока, о подвигах землепроходцев. Роман «Симода» продолжает рассказ о героических русских моряках адмирала Путятина, которые после небывалой катастрофы и гибели корабля оказались в закрытой, не допускавшей к себе иностранцев Японии. Действие романа происходит в 1855 году во время Крымской войны.

ISBN 978-5-4444-8627-6

© Задорнов Н. П., 1975

© ВЕЧЕ, 1975

Содержание

Часть 1	6
Глава 1. Черный знак секты Дзэн	6
Глава 2. Свирепый самурай	13
Глава 3. Деревенская глушь	17
Глава 4. Боги поют	28
Глава 5. Адмирал Путятин	34
Глава 6. Накамура Тамея	40
Глава 7. Список Эдо	43
Глава 8. Ота-сан	48
Глава 9. Споры и отношения	54
Глава 10. Ущелье быка	63
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Николай Задорнов

Симода

© Задорнов Н. П., наследники, 2016

© ООО «Издательство „Вече“», 2016

© ООО «Издательство „Вече“», электронная версия, 2016

Часть 1

Глава 1. Черный знак секты Дзэн

На высокой корме судна местной постройки, как на втором этаже карусели или на галерке за точеными балясинами раскрашенных перил, сидели четверо матросов, глядя, как управляются со своим делом моряки-японцы. Над морем взошло солнце, а на далеком берегу все в тени, там синие горбы сопok тихо движутся друг за другом, словно лохматые звери в стаде.

От горы Фудзи дул попутный ветер, наполняя большой квадратный парус, плетенный из рисовой соломы, наложенной на бамбуки. Посередине паруса черной краской выведен знак буддийской секты в виде двух толстых параллельных перекладин или брусьев, скрещивающихся с двумя такими же.

Пожилой старшинка в травяной шляпе, в ссевшихся штанах, на разлохмаченных подошвах-сандалиях из соломы шагнул вперед. Он что-то крикнул на нижнюю часть палубы, не отпуская руки с тяжелого кормового правила, которое через узкую и длинную прорезь в верхнем палубном настиле косо уходило под корму, держа в воде скрепленную двойку весел, широких, как деревянные лопаты.

Василий Букреев, молодой рябоватый матрос с носом картофелиной, из-под которого пущены жесткие русые, прокуренные дожелта усы, толкнул локтем товарища и вытаращил маленькие глаза. Янка Берзинь усмехнулся, и тонкий вздернутый нос его, казалось, поднялся еще выше. Пожилой плотник, унтер-офицер Аввакумов, покосился, трогая чубуком трубки рыжий, с проседью ус, переходивший в бакенбардину. Он пустил в усы дым от затяжки, и все лицо его залилось, как рыжий лесной пожар. Совсем молодой, некрасивый и суховатый в плечах и в скулах, со слабыми беленькими усиками, матросик Маточкин, сидевший чуть особняком, смотрел неодобрительно, как японцы вытаскивали на веревках из люка сбитую из глины печь на широкой деревянной плахе.

– Значит, погода будет жаркая! – заметил Василий Букреев.

Еще двое русских матросов спали прямо на голом настиле кормы. Букрееву тоже хотелось спать. Но повар сейчас поставит варить рис и хорошую рыбу.

Поваренок откинул лежачую дверь и полез за рисом, который хранится в том же кубрике, где сложены мешки и скатки матрацев. Там тесно, и, видно, душно будет от печи в такой горячий зимний денек. Тут за теплом не станет! Солнце накалило чистые доски палубного настила, отражаясь, как от зеркал. На море холодно, а в японских деревнях сейчас повсюду цветы.

Печь затопили, на нее поставили малый котел с водой. Тут же чайник. Дымок закурился из деревянной трубы.

– Печка, братцы! – сказал, просыпаясь, младший корабельный плотник Анисим Дементьев. – Как пароход!

Все матросы засмеялись. Ну кому, кроме японцев, придет в голову таскать печку с места на место!

Из вежливости засмеялись старшинка и сидевший подле него полицейский, а за ними все японцы.

Молодой серьезный матрос с беленькими усами улыбнулся снисходительно.

– Учуял? – спросил Вася проснувшегося товарища.

Японцам вообще все это было очень смешно. Человек спал не вовремя, вдруг проснулся и что-то громко сказал. Угрюмые усахи повеселели. Пока не похоже было, что они могут так смеяться. «Очень приятно!» – подумал старшинка. Он знал русских прежде и желал, чтобы они понравились японцам. Почувствовалось что-то приятное в характерах этих суровых казенных

людей из морского войска адмирала Путятина. Хотелось бы выразить им свое расположение, но это еще рано, неприлично, и не полагается обнаружить без причины знание их языка, к тому же рядом, поджав ноги, на циновке сидел пожилой мецке¹ с саблей, очень тихий, но очень значительный и, конечно, строгий.

Еще один русский матрос, похожий на японца, свернувшись калачиком, крепко спал, чуть не касаясь лицом кожаных ножен сабли полицейского.

Шестеро матросов посланы на японском судне в деревню Хэда.

Японцы разрешили адмиралу построить там новый корабль и для этого предложили бухту Хэда. Туда отправился адмирал, офицеры и около шестисот матросов. Вон в тех горах целая вооруженная армия моряков шагает по дорогам.

До сих пор Япония была закрыта для иностранцев. По дружбе и соседству, а более из уважения к адмиралу Путятину дано разрешение – пройти с командой по дорогам страны, жить в Японии. Договор с Россией еще не подписан, но Япония, судя по всем признакам, отменяет старые законы и отказывается от политики изоляции.

Труба от печи задымила, и вскоре в котле закипела вода. У печки появился столик со множеством коробочек и мешочков. Повар готовил завтрак на славу, с разными приправами. Он резал редьку так тонко, что она становилась похожей на взбитые сливки или на пену.

После гибели «Дианы» адмирал прежде всего призвал к себе корабельных плотников Глухарева и Аввакумова.

– Глухарев, – обращаясь к старому мастеру, сказал Евфимий Васильевич, – ты построил баркас на мысе Лазарева для Невельского. Помнишь, как ты сказал: «Обстрогаем его, и будет гладенький, как яичко»? А теперь мне японцы разрешили построить двухмачтовую шхуну.

Евфимий Васильевич пригласил Александра Колокольцова и Александра Можайского. Положили оторванную дверь на бочку и стали чертить за таким столом. Сюда же вызваны Лесовский и Елкин.

– Шхунешка немудрящая, более ста человек не возьмет, – толковал Глухарев на другой день, глядя на чертеж.

– Большую нам и не нужно. Шхуну пошлем на Амур, чтобы известить о нашей участи, – ответил адмирал. – Идет война, и мы должны спешить.

Японцы предлагали перевезти весь экипаж в Хэда на своих джонках, но Путятин отказался. Часть спасенных грузов он решил отправить на уцелевших дианских шлюпках. Другая часть пошла под надзором Аввакумова на джонке, а по-японски – сэнкокуфунэ, что означает «лодка водоизмещением тысячу камней», то есть, как полагали матросы, в тысячу японских тонн.

Перед Фудзи засверкал крутой хребет в сплошном снегу, закрывший подножие великой горы белой стеной.

Солнце переместилось. Сопки на другой стороне залива стали ближе, на них различаются желтизна и краснота. Местами серая чаща нагих деревьев, похожих на прутья, а в нее воткнуты черные перья хиноки² и веера сосен.

Японец в хорошем бумажном ватном халате, с саблей, сидевший вблизи спавшего Киселева, встал и ушел вниз по лесенке. Старшинка толкнул Аввакумова локтем и подмигнул вслед полицейскому. Возвратившись на высокий настил кормы, японец с саблей так любезно и с такими ласковыми поклонами обернулся к Аввакумову, что казалось, лучше и не могло быть спутника и товарища.

Голодные матросы ждали обеда. Они слыхали, что японцы еду на кораблях готовят раз в день. Второй раз едят на ночь, но к тому времени судно придет в Хэда. Японцы, видно,

¹ Мецке, или метсуке, – здесь означает «полицейский».

² Хиноки – дерево кипарисник, достигает больших размеров. Древесина хиноки ценится в судостроении.

готовились потчевать гостей хоть раз, да на славу. Притащили за уши деревянную лоханку. Повар взял из нее живую рыбу в ярких синих пятнах с горошину. Вычистил ее, но не стал варить, а нарезал из спинки толстые ломтики и красиво разместил их на деревянном крашеном блюде. На маленькое блюдо кинул живого рака и окружил его облаками из струганой редьки. Из ведра достал здорового осьминога.

– А мы это чудовище не едим! – пробормотал мрачный молодой матрос Маточкин, терпеливо глотая слюни.

Все сухари размокли, запасы продовольствия погибли вместе с «Дианой», лежат на дне морском! Сутками не спали, работали у помп, откачивая воду, налаживали потеси вместо руля, а их срывало, подводили пластыри под проломленные борта. Последняя ночь, когда «Диана» погибла, была самая страшная. Высаживались в бурю по лееру...

Японцы толпой пролезли под парусом и стали кланяться, приглашая гостей.

– Получите, пожалуйста! – сказал по-русски старшинка.

Никто из матросов не удивился, что японец говорит по-русски.

– У них все не так! – сказал Аввакумов, заглянув вниз, в разрез кормы. – Разве это руль?

– Как его, кусать ли, резать? – спросил Василий, усаживаясь подле осьминога, которого японцы, посоветовавшись между собой, предлагать гостям не стали.

– Киселев, вставай! – Берзинь будил маленького исчерна-смуглого матросика. У всех матросов усы как усы, а у Киселева как черная сажа на верхней губе.

Тот вскочил проворно и достал из-за голенища деревянную ложку.

– У них закон не разрешает строить хорошие суда, – сказал Берзинь, – чтобы люди не уплывали далеко от государства.

– Уплывали! – ответил по-русски старшинка.

Он кивнул на мецке, который замешкался, поправляя сбитую туфлю. Старшинка приложил палец к губам.

– Где выучился по-нашему? – спросил Василий.

– На Аляске, – ответил старшинка, – и в Иркутске.

– У вас, говорят, тут и русские прячутся? – спросил Берзинь.

Японец посмотрел на его тонкий вздернутый нос, на лихо закрученные усы и усмехнулся. Вразвалку подошел мецке и сел.

Старшинка мог бы рассказать, как он попал в Россию. Рыбачье судно из Симода унесло ветром в океан. Закончились запасы воды, риса и топлива. Умиравших рыбаков подобрала китобойная шхуна. Американцы одели их в свои куртки, дали сапоги и брюки, кормили западной едой и передали потом всех встречному русскому кораблю, шедшему в Ситху. Японцы жили сначала в Ситхе, потом на Камчатке, в Охотске, бывали в Иркутске. Один из них крестился и женился. Приняв фамилию Японов, он в Иркутске построил дом на Иерусалимской горе. По примеру жившего в Иркутске аляскинского индейца, записался в военное сословие и считал себя русским самураем. Русские уговаривали его стать попом. «Проповедь истины – самое важное...» – говорили они. Все улицы, все деревни и все места в городе названы по именам святых. Всюду церкви, и всех обучают главной вере.

Капитан Линденберг, по приказанию из Петербурга, доставил пятерых японцев из Охотска в город Симода за два года до прибытия в Японию эскадр Путятин и американца Перри. Японские власти не хотели принять своих спасенных рыбаков, гнали прочь. «Уезжайте обратно в Россию! – говорили чиновники. – А если останетесь, то будете наказаны или окажетесь в вечном заточении!»

Прежде чем появилась полиция, на корабль сбежалась вся Симода – и стар и мал, богачи и беднота, рыбаки, рисосеятеля побросали свои поля и явились посмотреть, как живут иностранцы на корабле.

Пришли из деревни родные одного из спасенных. Привезенным рыбакам очень страшно было видеть родных и, не сойдя на родную землю, отправляться обратно в Россию. Кораблю приказано было через несколько дней уйти из Симода. Линденберг подчинился. В назначенный день на корабле поставили паруса. Когда вышли в море, все пятеро японцев встали перед капитаном на колени и попросили высадить их, зайдя за мыс, между скал, на пустынном берегу. Они заявили, что, во-первых, не боятся вечного заключения и даже согласны принять смерть. А во-вторых, один добрый человек сказал, что если бы их высадили вдали от города, а корабль ушел бы поскорее, то все пятеро могли бы разойтись по домам. С чиновников и охраны ответственность в таких случаях частично снимается.

Стоя на коленях, японцы так горячо просили, что даже ледяной Линденберг уступил. На баркасе свезли всех на берег. Недалеко от Симода высадили за скалами, в пустынной бухте.

– Зачем строить корабль? – сказал мрачный молодой матрос. – От Японии рукой подать до Сахалина. Японцы взяли бы перевезти нашу команду на джонках.

– Ешь, Маточкин! – отозвался Васька Букреев. – Чудовище-то попробуй.

Мецке выполоскал рот и сплюнул.

– Вот и стало видно, что ты наш начальник, – сказал ему Букреев.

– Почему знаешь? – спросил старшинка.

– С такой важностью сел! – ответил Вася. Ответ понял лишь старшинка, но все японцы засмеялись. – И не хватался бы за лучший кусок. За живого рака!

– И не лопал бы за обе щеки! – подтвердил Дементьев.

Мецке вежливо посмеялся со всеми вместе. Он поклонился матросам, как бы принимая их приветствия, и, наклонившись к вкусной снеди, стал быстро закидывать в рот куски палочками из широкой чашки.

Аввакумов нехотя поел, набил трубку и закурил. Старшинка надел шляпу и пошел к рулю, приняв весло у мальчика.

Ветер стих, парус повис.

– Азия... – сказал Аввакумов. Японские паруса, как и весла, и сами суда, по его мнению, никуда не годились. Разрезная корма с двойным рулем! А по морю ходят! Видно, людей у них много лишних! – Ваша люди не жалеи! – сказал он шкиперу.

– Да! – ответил старшинка и засмеялся. Он опять отдал весло мальчику, пробежал по судну, шлепая соломенными подметками на босых ногах. Японцы ставили на борта тяжелые весла.

– Пособим, братцы! – предложил Аввакумов.

Матросы разошлись по бортам. Тяжелые гребни японцы ворочают не к себе, а от себя, падают, наваливаясь на них грудью. Матросы стали по-своему, лицом к корме, и все враз, равняясь по загребному – Берзиню, потянули неудобные весла на себя. Судно пошло.

Залив гладок и зелен. Чистая вода просматривается на большую глубину.

– Эх! – в восторге заорал Букреев, чувствуя, что судно идет ходко.

Янка Берзинь, желая поддержать общее настроение, выругался, показывая товарищам, что и ему хорошо.

– И это у них зима! – сказал Васька.

Небо чистое, горизонт отступил далеко. Адмирала нет. Сидит только шпион-японец с саблей. Но он тихий. Как у них заведено...

– Хрена тебе! – сказал Васька японцу.

Мецке в ответ поклонился и улыбнулся.

– В Симоду бы теперь... – сказал Берзинь.

Васька и Янка слыли в экипаже первейшими по обходительности. Они живо устанавливали знакомства с японцами, несмотря на все строжайшие запреты и угрозы офицеров. Так было еще до землетрясения, погубившего город Симода. А после, когда все жители оказались

в нужде, голы и голодны, матросы стали для них помощниками, особенно для женщин и детей. У многих погибли мужья, отцы.

– Эх, какой был корабль... – вспомнил Берзинь.

– Старый дурак, – молвил Васька, – сам разбил корабль! – Васька полагал, что сейчас можно выбрать адмирала по пословице «За глаза и царя ругают».

– Хотя бы и не разбил адмирал. Какая разница! – флегматично отвечал Берзинь.

– Конечно... Заразы! Смотри, шпион-то устался... Ты чё понимаешь?

– Чего он понимает? Услыхал «адмирал», – сказал Берзинь.

– Нет, у них в Симодэ все понимают по-русски, – сказал Маточкин. – А почему ты знаешь, может, и этот шпион у нас жил. Могут еще зарезать нас.

– Нет, не зарежут! – уверенно сказал Янка.

– А хотя бы и зарежут... Подумаешь! Ты сука, – обращаясь к человеку с саблей, сказал Васька, – зараза!

Полицейский поспешно улыбнулся и кивнул несколько раз головой. Аввакумов протянул ему кисет с табаком. Японец поблагодарил и набил свою маленькую медную трубочку. На миг зло и косо он поймал взглядом Ваську и опять ласково кивнул.

Матросы продолжали дружно грести и громко и без зла ругались вразнобой, так что казалось – их брань заполняет весь Тихий океан.

Японцы притихли, словно окончательно убедились в превосходстве и могуществе прибывших иностранцев. Хотя и замечали в этих усатых морских солдатах много смешного, о чем потом можно будет поговорить.

Три дня тому назад, когда раздалась команда: «Умрем за адмирала!» – все встали, как один, – Букреев, Аввакумов, Дементьев, Берзинь, Маточкин и Киселев – вровень со всеми товарищами, все они образцовые матросы, ни в чем плохом не замечены.

Аввакумов хороший плотник. Евфимий Васильевич послал его в Хэда. Велел осмотреться, выбрать удобное место для постройки шхуны. Такое дело обычно поручалось офицеру. Еще прежде бухту Хэда осматривал посланный туда адмиралом лейтенант барон Шиллинг.

Берзинь – артиллерист, комендор, звание это почетное. Он шел охранять груз, в том числе фальконет и к нему ядра.

Васька Букреев удалой марсовый. Первый пловец, спасал при переправе адмирала, вытащил его из воды.

Киселев подсел к мецке. Ноги матроса, казалось, не гнулись, он, вытягивая их, клонился набок, как это делали русские, когда им приходилось садиться на циновку.

Мецке сказал что-то шкиперу. Тот подозвал одного из японцев.

Киселев, было задремавший, удивленно открыл левый глаз, быстро посмотрел на мецку, словно услышал что-то важное, но тут же опять задремал и даже захрапел.

Матросам известно, что Киселев крещеный японец. Он все торчит около мецки и притворяется, что спит. Адмирал не зря послал его с Аввакумовым.

Киселев японец свой, очень товарищеский. Он понял, как мецке сказал шкиперу: «Надо сейчас показать эбису³, что наблюдение за ними ведется!» Шкипер это же повторил японцу Иосида.

Голый до пояса, с сединой вокруг лысины, маленький и тощий Иосида, словно скелет, затянутый в пергаментный мешок, – кости так и лезли из кожи, – подошел к Ваське, показал на солнце и стал объяснять, что пора сменяться.

Аввакумов распустил пояс и рыгнул.

³ Эбису – варвар. Так называли японцы всех европейцев.

Сразу же мецке и старшинка вежливо улыбнулись и поклонились ему. У мецке в руках появилась глиняная бутылочка. В толстую рюмку с наперсток он налил саке и подал Аввакумову.

Японцы гребли стоя, на каждом весле по двое, лицом к носу. Судно скорости не теряло. Седой полуголый Иосида, сменяя Ваську, несколько раз показал осторожно на люк. Он улыбался, мигал таинственно и кивал своей страшной, похожей на череп голой головой, и черные огоньки его зрачков сверкали из почерневших глубоких глазниц. Васька ему очень нравился, – может быть, таких славных, веселых и добрых людей никогда еще не видел.

Букреев нажал ногой на люк, и крышка приподнялась. В глубине кубрика, среди множества набросанных вещей, чьи-то быстрые руки развязывали мешок с плотничьим инструментом. Это мешок Аввакумова.

Букреев спрыгнул. Человек выскользнул из-под его рук, как ящерица. Васька знал, что у японцев принято шпионить за каждым, но он полагал, что назначенный для этого мецке сидит наверху, курит и пьет саке.

На палубе японцы, падая на весла, качались. Им известно, что иностранцев сопровождает мецке и что кроме него на судне есть еще один тайный шпион. Этот мелкий, «местный» шпион должен точно изучить все вещи в мешках у матросов и представить список по начальству.

Он спрятан в одном из шкафов, куда моряки складывают одежду и обувь, соломенные подстилки, на которых спят. Он очень маленький, как земляной паук, похожий на тех, у кого японцы, по легенде, в древности отвоевали острова.

Иосида знает, что он сам теперь на всю жизнь, как цепью к бревну, прикован к тайной полиции. Иосида тоже был среди рыбаков, спасенных русскими. Два года назад и он прибыл с Линденбергом в город Симода. Он, как и все его товарищи, знающие иностранный язык, должен помогать тайным властям. Иосида, как и старшинка, знал по-русски. А старший мецке по-русски не знал. Не понимал по-русски и тайный шпион, спрятанный в трюме.

Торговля с эбису откроется, строгость и надзор вреда не принесут, очень любезно будет принята всякая купеческая компания иностранцев, выгоды нам очень приятны. Русские, как и американцы, сердечно приветствуются. Но каждый, кто имел дело с эбису, на всю жизнь попадал под наблюдение, как будто сам был эбису. И так будет впредь!

«Хотя, может быть, это вранье? – полагал Иосида. – Не хочется верить, что следить будут за тобой всегда».

Шестеро морских солдат эбису теперь поняли, что за ними наблюдает не только приставленный шпион с саблей, который все записывает и улыбается. Есть еще другой, более ужасный, который ползает в глубине судна, как червь, и ускользает, как ящерица...

Васька успел сорвать с себя ремень и пряжкой оттянул метнувшегося в щель человека.

– Крысы у вас! – сказал он, воротясь вверх и застегивая ремень. – Сгрызут весь рис. – Букреев грубо дернул за рукав мецке. – Крыса рис ела... – Матрос кивнул на люк и, растопырив пальцы, показал обеими руками, какого размера крыса.

– О-о! – обмер полицейский.

Ветер подул. Подняли черный знак на парусе – напоминание о вечном покорстве и справедливости. Весла убраны.

– Хороший народ – японцы! – сказал Букреев, укладывая голову на скатке шинели, и стал рассказывать, как он, по совету Иосиды, достал шпиона пряжкой по спине.

– Все не так, как у людей! – сказал Аввакумов.

Потом Васька вскочил, подошел к Иосиде и вдруг хлестнул его ладонью по лысине. Тот задрожал и поклонился.

– Спасибо! – сказал он по-русски.

– А в Симоды есть гора, – говорил Берзинь, вытягиваясь во весь рост на кормовом настиле; узкое, острое лицо его сморщилось от слепящего солнца, – называется «Лежащая Женщина». Эх, хороший городок!

– А сначала было строго! – подтвердил Васька, устраиваясь рядом с товарищем.

– После землетрясения старший лейтенант послал команду на берег, в помощь пострадавшим, а все пошли бардак исправлять, – сказал Аввакумов.

Янка Берзинь вдруг прыснул.

– Велел идти строить городское управление... Да ошиблись, получилось, что попали не в городское управление! Смыто все было начисто, но фундамент остался. Еще так дружно работали.

– Американцам надо сказать, что магарыч с них полагается, – сказал молодой матрос Маточкин.

– Адмирал богомольный, знай себе крестится, старый пень... Он еще удивлялся: почему, мол, Симоду открыли по договору для американцев? Как, мол, они согласились: порт мал да плох. А Симода стоит на оконечности полуострова Идзу. Дойдут моряки до Симоды, и надо ждать в порту перемены ветра. А в Симоды для моряков есть все, что желательно.

– Тут и выворачивай карманы, – заметил Аввакумов.

– А Хэда? – спросил Дементьев.

– Хэда – деревня!

– В Хэде мужики. Значит, темная нищета или кулаки. Там от людей добра не жди.

– Как я ничего не заметил? – сказал молодой матрос.

– Поклоняются и зарежут, – флегматично заметил Берзинь.

Он захрапел.

Глядя, как русские дружно залегли, мецке Танака подумал: «Все идет правильно, никаких упущений!»

Иосида подошел к Букрееву, ласково глядя, показал себе на лысину.

– Меня? – спросил он.

– Да, тебя! – ответил Васька.

– За что?

– Доносчику первый кнут!

Аве, старшинка корабля с черным знаком секты Дзэн на парусе, управляя кормовым веслом, думал, что благословение высших сил одинаково обращено ко всем и поэтому он должен стараться для хозяина Ота и заботиться о русских.

Он знал, какие опасности будут подстерегать русских, пока они в Японии. Тайная полиция любит русских и заботится о них. Когда, построив корабль, они счастливо уйдут из чужой страны на родину, то поступят под наблюдение своей собственной полиции. Все произойдет совершенно так же, как с пятью японскими рыбаками, возвратившимися из России.

Молодой матрос с худым лицом глядел вдаль, на сверкающий под солнцем гладкий простор океана.

– Эх, голомянь! – радуясь, как ребенок, воскликнул он.

– Ты что ругаешься? – спросил Дементьев.

– Разве ты по-русски не понимаешь? – недовольно отозвался матросик.

Берзинь во сне почувствовал, как что-то скользит легко и ласково у него на груди, словно пальцы умелого карманщика лезут за пазуху. Он открыл глаза и увидел над собой склоненную голову Иосида.

– Шаусмиги! – сказал он спросонья по-латышски. – Ка азиатиска сея!⁴

⁴ Ужасно! Какое азиатское лицо!

Глава 2. Свирепый самурай

Долго спали матросы, словно отсыпались за все свои невзгоды и тяжкие труды за несколько лет непрерывного плавания и нелегкой службы. А когда сон больше не шел, как не идет объевшемуся с голоду вкусный кусок, то понемножку стали просыпаться.

Ночь, сыро. Сизый туман находил облаками и отбегал в море, перемежаясь с чистым воздухом, как горы с долинами. Сгустеть ему недолго в эту пору зимы близ теплых гор.

Японцы стали проворней, все босы, надели ватные халаты, завернули рукава и стараются. Чувствовалось то возбуждение, которое охватывает команду перед входом в порт.

Мецке сидел все на том же месте. На нем стяженный халат сгорбился. Киселев рядом с ним, не пропускает ни единого его слова и движения. Душа человек, терпеливый, как черт, и старательный. Страшно подумать, как он просидел весь день – не уснул, притворяясь спящим.

Мецке похож на нахохлившуюся крачку, которой зябко и она вот-вот может по старости сдохнуть. Шпион что-то приуныл.

Маточкин вспомнил, как в шторм, когда в море нет льдов, выкидывает и замыкает в прибрежные пески множество дохлых чаек. В сильный ветер птиц бьет о скалы насмерть, и сами онидохнут в непогоду, кому уже пора. А ловкие ускользают. Но и ловких бьет. Особенно на Крестовом мысу, где Свят-камень, сколько их зашибает! Там, у Свят-камня, братским судом поморы осудили когда-то лоцмана, выдавшего царю Петру старые берестяные карты – путь в Енисей, в Лену и до Крайнего носа, откуда еще деды в старину ходили на другой материк. Тогда думали, что остров или такая земля. Называлась не Америка, а Заморье или Дальняя Варяжка. Об этом писаны, говорят, старинные вежевые книги. Еще тогда все было открыто, описано и зарисовано. Маточкин убежден, что до Петра и в Японии наши бывали, ходили каким-нибудь запрещенным путем.

Сами изобрели маточку! Петр велел ее называть «компас». Старики наносили на маточку ветры, полветры и четвертьветры! Значит, могли и сюда дойти! Но никаких доказательств этому сейчас нет. Офицеры про маточку слышать не хотят, смеются. Поэтому молчишь, зная, что за такие рассуждения и товарищи подымут на смех. Теперь все открытия хотят сделать заново. В кругосветном, пока шли у экватора, Федор обо всем подумал.

Маточкин познакомился с японским старшинкой Аве еще вчера, узнал про жизнь его в России. Старшинка на мотив нашей плясовой спел японскую песню, разводя руками, как в хороводе, и вместе с Иосида они подпевали по-русски: «Сахар, сахар!» Знали они и камчатскую «кадрель». А на Сибирском берегу, куда Маточкин ходил еще в позапрошлом году с лейтенантом Римским-Корсаковым на винтовой шхуне, казаки, привезенные из Охотска, говорили таким же языком, как в родной деревне, где из ста домов половина Маточкиных.

Вспоминались рассказы стариков, которым смолodu Федор не верил. Бывало, по древним картам, хранившимся в доме, отец все показывал, а Федор этим картам и берестянкам никакой цены не давал.

Японцы живут на островах. Зачем бы запрещать им дальние плавания, если бы никто из них не бегал на судах далеко за моря? У нас Петр – создатель флота, прорубил окно. И Петр же запретил строить беломорским крестьянам суда старинного образца для дальнего плавания. Японцы все жалуются: моря есть, зверей много, охотиться некому, далеко плавать запрещено. Видно, и у японцев был свой Петр.

– Кинтяку! – сказал старшинка, поглядев на русских с таким видом, словно настала пора подыматься.

– Что такое «кинтяку», знаешь? – спросил японец у Маточкина.

Васька спросонья зол и тревожен. В память ему врезалась ящерица. Он прежде всего глянул, на месте ли мецке. Тот скромно сидел у фонаря, поджав ноги на своем коврик. Киселев тоже на месте, при нем.

Берзинь затягивался потуже. В свежем лице явилось что-то холодное и жесткое.

Потянул ветерок, напоминая, что с приятным бездельем пора прощаться.

«Что тут за еда, – раздумывал Дементьев, – каковы бани, хорош ли ночлег, что за люди и порядки? Идем не к теще на блины! Работа предстоит тяжелая, сторона чужая, погода мокрая. Наказания начнутся от своих же зубодеров. Усатые, нафабранные, со взлызами меж черных волос, с лысинками, с горбатыми носами, с колючками бровей или подсадистые, коротконогие, или с жердями вместо ног, в эполетах все! Набрал их Евфимий Васильевич! Как воронье! Так и смотрят, как бы наклепать матросу, на виду у японцев покрепче заехать в рыло...»

Черная кромка глухой тьмы выдавала близкий берег, отличая его почти от такой же черни звездного неба. Но вот близко, как по воздуху, проплыла мохнатая сосна. Она задержалась среди моря и черного тумана. Потом перешла за корму. Еще одна сосна видна при слабом свете проступавших звезд. Явилась белая грудка камней, битых и обкатанных морем. Видны ясно, как днем, словно камни светились. На берегу появился фонарь, потом другой.

– Кинтяку! – повторил старшинка. – Хэда, – добавил он.

Огонек зажгли на носу судна. По палубе ходили люди с фонарями.

Старшинка показал Васе вынутый из-за пазухи круглый кошелек с запавшими от безделья боками и показал вокруг во тьму. Букреев понял, что вошли в бухту.

– Кинтяку – круглый японский кошелек, – пояснил старшинка. – Бухта большой, как кошелек круглый, а вокруг деревня Хэда, круглая, как колесо. Рыбаки ловят тай, эби, кани... сетями и крючком.

– А селедку?

– Конечно. А тебе селедку надо? Еще есть рыба, называется сакэ. Кижуч по-вашему. Горбуша тоже. И кета! Все сакэ. А водка – сакэ.

Теперь много сосен за кормой. Коса отделена от океана цепью камней, на которых тучей стоят ветродуйные сосны. По левому борту выросли, как по щучьему велению, высокие черные скалы. Ясно, что судно входит в бухту, круглую, как кинтяку. Вдали огни едва просвечивают. Это теплятся через промасленную бумагу слабые огни домашних деревенских лучин. Эх, бедность!

Стало грустно и печально на душе. С фрегата, с сокровища, сверкавшего артиллерией, медью обшивки, украшенного флагами и вымпелами, мчавшегося по морям в торжественной белизне парусов, где жили с парадными на палубе, с маршировкой, с музыкой духового оркестра, – и куда попали? Куда теперь? В берлогу, в медвежий угол, в западню!

– Хорошего здесь не жди! – сказал Янка.

Вася тоже стал затягиваться. Усы, мундир, сапоги и кивер – главное в порядке!

Берзинь полез в люк.

– Он все опять уложил аккуратно, – сказал Янка, поднимая мешок, – как будто так и было...

– Вашу мать... – Вася подмигнул японцам.

– Спасибо за хорошие слова, – любезно кланяясь, сказал по-русски старшинка.

Если бы заранее начальством не было приказано стерпеть все грубости эбису, то очень просто и легко можно было бы доказать им, как умеют драться японские моряки. Но ссоры с эбису строго запрещены.

Мецке с фонарем, в ватном халате, из-под которого, как хвост, торчит сабля, стоял на носу судна.

– Слушай, ты теперь уж не ругайся, – остерег Васю унтер-офицер Аввакумов. Он при теске, с ружьем и патронташем, с ранцем за спиной.

Джонка стукнулась о пустынный дощатый помост. На берегу тьма и ни живой души.
– Все не как у людей! – сорвалось с языка у Дементьева.

Мецке увидел, что Аввакумов, с медалями и с эполетами на шинели, подошел к нему. Целый день широкое лицо мецке улыбалось и казалось мягким, а глаза едва виднелись. Теперь он смотрел прямо, лицо его стало суше. Короткий нос вздернут, кожа на щеках неровная, в шрамах.

– Всем идти на берег! – перевел его вежливую речь старшинка.

– Ну, брат, – сказал Вася, – тут ловушка!

– Стройся! – строго приказал Аввакумов.

Матросы взяли ружья и мешки и построились. Унтер-офицер скомандовал:

– На-ле-во! Шагом арш! – И сам гулко зашагал впереди шеренги.

На палубе и по настилу пристани, как одна пара, простучали звонкие матросские сапоги.

– Стой!

Из тьмы с фонарями в руках подошли люди. Впереди двое с пиками. За ними, во главе толпы, шел человек в больших усах, одетый в несколько халатов. Верхний – теплый, с поднятым воротником. Сабли на боку.

– Наш артельный самурай! Буси! – пояснил Аввакумову шкипер.

Самурай поднял седые кустистые брови, вытянул и без того длинное лицо, вытаращил глаза и с шипением потянул в себя воздух. Потом он схватился за саблю и шагнул боком вперед, словно хотел кинуться на матросов. Он скривил нос, скорчил отвратительную гримасу, опустил руку с оружия и, глядя грозно, стал жевать губами, словно хотел расправиться, но раздумал.

Японцы стали подталкивать матросов и пояснять им знаками, чтобы шли, что самурай приглашает к себе.

– Иди жрать! – перевел старшинка.

– Вольно! – скомандовал Аввакумов.

Вася подумал, что не так страшен черт, как его малюют. Он знал, что японцы любят пугать друг друга, всюду разрисовывают разные маски, страшилища.

– Братцы, – сказал унтер, – вы идите. Это хороший японец, – кивнул он на самурая, – ничего плохого вам не сделает. А я с Киселевым останусь на ночь у груза. Я выспался и отдохнул, да и постарше вас, мне много сна не требуется.

– Ну что же, пойдем, – неохотно сказал Букреев.

Самурай с места не трогался, хрипло кашлянул и вытаращил глаза на Берзиня.

«Шаусмиги!» – подумал Янка.

Ваське надоело ждать, и он тихо подтолкнул самурая под локоть в длинном рукаве, показывая, что пора идти. В тот же миг кто-то сзади больно ударил Букреева чем-то легким по голове.

Матросы сделали вид, что ничего не случилось. Японцы понесли пики. Все пошли от берега за самураем.

– Какая же тут нищета, боже мой, боже мой! – приговаривал Дементьев, глядя на лачуги.

Легче всех шел Маточкин. Мешок его плотно уложен, вещей лишних нет, нет и сбережений. За мусмешками⁵ он не гоняется. Служба – служи. Он надеется, что не навечно. Он еще придет домой и еще успеет жениться на своей деревенской, которая, верно, только еще начинает ходить в хороводы. Дома светленькие все, у всех косички беленькие, наденут на головы венки на Ивана Купалу.

– Видишь, какой здешний барон? – сказал Берзинь.

– Эй, барон Шиллинг! – обратился к самураю Васька.

⁵ Мусмэ – девушка.

Берзинь японцев не боялся. Янка бесстрашный матрос, исполнительен и аккуратен, придраться к нему невозможно. Только при баронах Шиллинге и Энквисте, как замечено, Берзинь чувствует себя не в своей тарелке, – видно, по привычке. Он из семьи латышских крестьян, арендующих землю у баронов.

– Да, нос у него баронский, – заметил Маточкин.

В темноте подошли к длинному дому под соломенной крышей. Самурай на крыльце еще что-то долго и строго говорил со своими, делая страшные рожи. В сенях матросы разулись. Какой-то японец подал каждому соломенные подошвы с петлями и провел через пустую галерею в комнату, покрытую циновками из рисовой соломы. Похоже было, что целое крыло старого деревянного дома очищено для гостей.

Оставшись одни, матросы переглянулись и покатались с хохоту. Васька, подхватив голодное брюхо обеими руками, повалился на пол.

– Потеха, братцы!

Какой-то японец приоткрыл дверь и высунулся. Он осторожно внес на подносе четыре глиняные рюмки и четыре катышка риса.

– Вот это славно! – сказал Берзинь.

Матросы подняли рюмки, чокнулись, выпили.

– У тебя что было в рюмке? – растерянно спросил Вася у товарища.

– Вода, – ответил Берзинь.

– И у меня вода.

Глава 3. Деревенская глушь

– Ну, здорово я заспался, – вслух сказал себе Янка Берзинь, протирая глаза поутру.

В комнате светло и пусто. Янка попытался откатить деревянную раму, заклеенную матовой бумагой, чтобы посмотреть, что делается на свете. Он вспомнил, что сквозь сон слышал, как Дементьев с Маточкиным собирались на пристань.

Набухшая, сырая рама подвинулась. Над окном на ветвях большого дерева висели апельсины. Утро сумрачное. В облаке проступал близкий каменный бок горы в дремучем кипариснике и с гроздьями висящей со скал сухой, колючей зелени. Внизу виден вихор бамбуков, все остальное вокруг залито, как молоком.

В саду блюдца красного цвета на кусте с блестящей листвой, как из зеленого стекла. К подоконнику тянутся на стеблях гладенькие цветочки, желтые и красноватые, такие яркие, что кажется – на них смотрит солнце.

Из амбара вышла немолодая японка в подоткнутом синем халате, с корзиной мандаринов и с кувшином. Лицо ее, тусклое, как печной горшок, едва выглядывает из пестрого платка. Серый кувшин знаком всем матросам. В таких японцы держат саке – рисовую водку малой крепости. Из кувшинчиков поменьше угощали офицеров во время дипломатических приемов. Кувшин на окне лачуги, как вывеска питейного притона, – приманка. В Симода до землетрясения торговали таким товаром в изобилии. Вообще, Симода веселое место, содержалась там масса лавок и лавочек, притоны, игорные дома. Жители занимались так же искусно ремеслами, садоводством и земледелием, как и надувательством и выколачиванием денег из рукавов азартных японских матросов, заходивших в порт. Их дурачили кто чем мог, и тут часто нищий мало отличался от ростовщика, игрока, врача, знахаря, прорицателя или от обычного крестьянина, при случае промышлявшего в своем доме телом заезжей деревенской родственницы или тайной и запретной торговлей дурманящими средствами. При этом чиновники и полицейские Симода очень строго смотрели за соблюдением законов и процветали, но городская тюрьма всегда пустовала. За последний год, как уверяли японцы, Симода стала мечтой матросов Перри.

Кувшин в руках служанки напомнил матросам о заветном Симода. А у хорошего хозяина в амбаре, видно, немало таких кувшинчиков.

Из дома вышла и остановилась под апельсинами худенькая молодая японочка, почти девочка, в шелку, с цветами, с яркими, как подкрашенными, губами, похожими на маленькую розочку, и с румяными щечками. Скулы ее острые, как у вчерашнего старика-самурая. На ножках новенькие соломенные подошвы на красных шнурках и короткие носки из белой материи, похожие на перчатки с одним пальцем наособицу.

Пожилая японка поклонилась ей. Барышня ответила поклоном покороче.

Вася Букреев вышел из-за цветочной грядки к японкам. Они поклонились матросу. Вася что-то спросил. Девушка ответила без жеманства, – видно, сказала, что не понимает. Букреев показал на товарища. Янка выскочил из окошка. Девушка низко поклонилась ему. Старшая проворным движением отпустила подоткнутый халат, закрывая ноги, и тоже отвесила поклон.

В саду появился самурай. Он шел медленно, не сгибая ног, растопырив руки и не шевеля ими, словно его длинные рукава намокли, как в дождь. Старая японка пробежала мимо него мелкими шажками в сплошном поклоне. Девушка почтительно поклонилась отцу. Самурай ждал поклона от матросов.

Юная японка посмотрела на Васькины усы и перевела взгляд на Янку. Его белокурые волосы казались сейчас нежными и золотистыми.

Самурай, не дождавшись толку, хмыкнул и пошел через сад, как бы снисходительно простив гостей.

– У старика жена и наложница! – усмехнулся вслед ему Василий. – От обеих восемь или девять дочерей!

– Откуда ты узнал?

– Иван сказал.

– Какой Иван?

– Японец Иван. Служит у нашего барона. Он спал у нас под дверью.

– По-русски понимает?

– Считает неверно, сбивается. Но поговорить хочет. Все время говорит, но не все понятно. Я его спросил, мол, хозяин хорош ли. Говорит, что сволочь.

– За что же он так хозяина?

– Говорит – скупой. Гостей одними апельсинами угощает. Работникам дает апельсины, говорит: мол, кушай досыта. Нас заморит.

Берзинь полагал, что хозяин должен быть расчетлив, но работников надо кормить как следует.

Янка посмотрел на неуклюжие строения под соломой, разбросанные за садом. Он любил хозяйство и готов был порадоваться чужому уюту. Но тут жизни не позавидуешь. Не мыза, не корчма и не богатый хутор, хотя и родной вид у больших соломенных крыш. Хозяин держит жену и наложницу в одном доме! Ян полагал, что хорошего ничего тут быть не может. Только юная японочка в саду, как залетевшая из другого, прекрасного мира яркая и нежная бабочка.

– Мне Иван уж выговорил, – сказал Васька, – зачем, мол, спать легли не помывшись. Они нам баню приготовили и халаты.

Через пустырь по траве молча шли уставшие после ночного дежурства Аввакумов и Киселев.

– Баня топлена, – сказал им Букреев.

– Наверно, не баня, а в кадке вода горячая, и в нее лезть всем по очереди, – брюзжал Аввакумов.

Самурай вышел из-за деревьев.

– Наш барон явился, – тихо молвил Букреев.

– Пойди! – сказал самурай по-русски, показывая рукавом халата на другое крыло своего длинного ветхого дома. Он приглашал к себе.

Матросы выкупались в кадушке под навесом, надели чистое белье, халаты; грязное бросили на траве, как велела им пожилая японка, показывая на исподние рубашки. Босые, собрались в большой комнате у хозяина.

Прислуживала гладкая почтительная женщина в тщательно убранный прическе, в строгом шелковом халате дорогого тусклого шелка, – видимо, жена самурая.

Подали воду, потом чай, суп, рыбу, сырую и вареную. Появилась хорошая свинина с соусами и чилимсы⁶. Перед каждым стоял горячий рис, рассыпчатый и вкусный, но палочками его не ухватишь без привычки, матросы доставали свои ложки.

Самурай разливал саке, и все пили.

После бессонной ночи Аввакумов сер лицом и зол, но стал отходить и раздумывался.

Старик кого-то звал несколько раз. Наконец открылась дверь, вошел пожилой японец и сразу пал на колени.

– Дом полон женщин, а работник только один, – сказал Вася.

⁶ Чилимсы – креветки.

Японец-работник, знавший по-русски, разогнулся, видно стало, что он крепкий и жилистый, в стриженных усах и похож лицом на приказчика из чаеоторговой фирмы на Литейном, где матросы брали гостинцы для отсылки в деревню.

– Цуси!⁷ – сказал самурай, показывая на Ивана, и велел сказать гостям, что за завтраком фрукты – золото, а за ужином – медь. – Кусай! – самодовольно добавил он по-русски, показывая на апельсины.

Самурай велел своему переводчику спросить, какая в России главная пища. Иван не стал спрашивать у гостей, а сам ответил:

– Хлеб!

Тут же женщины внесли горячие лепешки из муки.

Иван смотрел, как хозяин угощает русских матросов, и злорадствовал в душе. Сколько кушаний! Но если бы он знал... Работник несколько раз делал вид сегодня, что порывается сказать хозяину что-то важное, но что его все время отвлекают... А хозяин Ябадоо, упоенный новой своей работой, не обращал на это внимания.

Под конец обеда опять подали суп и опять чай с глянцеви́тым печеньем из травы и водорослей.

– Нам целую ночь ме́чке покою не давал! – рассказывал Аввакумов. – Встанешь – он встанет. Сядешь – он сядет. Я пойду – он хвостом за мной. Все время смеется и кланяется. По берегу сторожа всю ночь ходили с фонарями.

Самурай еще предлагал гостям саке. Он закурил и угостил матросов. Старик глубоко затягивался табачным дымом, жмурился, лицо его становилось маленьким и жалким. Подолгу задерживал дым в легких, а потом быстро выдыхал и опять таращился одурманенным взглядом.

Василий сказал:

– У меня дед курил так. Затянется и считает до десяти.

– Зачем же? – спросил Аввакумов.

– Трубок не любил, говорил – плохо для здоровья. Заворачивал домашний тютюн в кукурузный лист.

– Откуда же ты родом?

– Курской губернии.

– Курский соловей!

Выходя после завтрака, захмелевший Букреев встретил в галерее японочку в белых перчатках на ногах, наклонился и пощекотал ей щеку усом. Она не сопротивлялась, но смотрела с таким жестким любопытством, как бы все запоминая, и так неодобрительно, что Васька отпрянул.

* * *

Перед отправлением джонки из деревни Миасима офицеры поспорили.

– Можно ли матросов пустить одних в заграничном плавании на японском корабле? – спросил Путятин.

– Нельзя, господа! – сказал старший лейтенант Мусин-Пушкин.

– Какая чушь! – возразил Можайский.

– Кого же? – спросил адмирал.

– Мичмана Михайлова?

– Из свиты – ни в коем случае! – завокнулся адъютант Пешуров.

– Адмирал должен шествовать во всем великолепии, и так офицеров не хватает.

– Еще чего захотели! Из свиты!

⁷ Цуси – переводчик.

– Как же быть?

– Постойте...

– Господа! Мне не для торжественного великолепия... Мне для нужного дела!.. – закричал Путятин. – Заявлено японцам о порядке марша, а теперь опять, заново договариваться? Что мы за люди, ничего решить не можем!.. Как одних? Как одних? С ними старший унтер-офицер Аввакумов. Отпускаем же в иностранных портах с унтер-офицерами! А договоренностей не менять!

Так матросы под начальством старшего унтер-офицера Аввакумова первыми оказались в деревне Хэда.

* * *

Жилистый Иван подошел к самураю в поклоне и сказал ему на ухо, что хочет сообщить что-то важное.

– Я все время хотел сказать...

– Ну... ну... – нетерпеливо отозвался Ябадоо и поднес ухо поближе.

Тайные доносы и тайны он любил. Всегда надо строго наказать, если кто-то виноват. Самурай велел служанке уйти и унести саке. Иван в доме Ябадоо самый ничтожный человек, хотя и нужный. Он работник, оруженосец, и признано, что при береговой охране может оказать пользу как бывший пленный в России, знающий варварский язык. До сегодняшнего дня не представилось таких случаев.

– Русские морские солдаты... это-о...

– Ну-ну?

– Это-о... совершенно... не настоящие... не самурай.

– Это не они?

– Нет, это они сами... Но-о... это-о... из самого низшего, бедного... ничтожного сословия... не заслуживают...

– О-о! – воскликнул Ябадоо, сразу все сообразив. Он был потрясен и сидел с открытым, перекошенным ртом. Иван торжествовал в душе.

– А сейчас... Сайо...

– Что? – вспыхнул самурай.

Честь дочери он берег. Честь дочери принадлежала только ему, и он один и мог распоряжаться.

– Шла по галерее... и один морской солдат... с совершенно простыми усами... прошел мимо нее.

У Ябадоо полон дом женщин. Со всеми, начиная от жены, самурай обходился справедливо, но с оттенком грубого принуждения, как бы обязательного, традиционного насилия, мог схватить за шею и вытолкать, схватить за нос и сжать его пальцами. Этот оттенок насилия исчезал в его обхождении с Сайо.

«Ты сам не самурай. Не настоящий дворянин, – думал про хозяина Иван. – Тем обидней и больней для тебя. Так и надо!»

Оскорбленный Ябадоо сидел на крыльце, курил с важностью и ждал, не появится ли кто-нибудь из полицейских, чтобы сопровождать матросов на пристань. Опять самому? Но тут уж дело не в его чести, а в государственном поручении. Сюда идет шестьсот эбису и, может быть, прибудет столько же японцев. Сегодня рыбакам приказано наловить много рыбы. Это прямо поручается Ябадоо. Это его дело. И он позаботился. В тумане утра одна за другой исчезли лодки и суда хэдских рыбаков.

Но с полицейскими случилось происшествие. Ночью двое охраняли дом самурая. Под утро их срочно вызвали. Оказывается, на храм ночью напали разбойники. Священник с ними

сражался мечом. Потом погнался за разбойниками. Возвратившись, он вдруг обвинил жену, что за это время она изменила ему с молодым монахом.

Жена упала без чувств. Присутствовали полицейские, староста и старшины. Ужасная кутерьма! За измену следует женщине смертная казнь. Это очень твердо соблюдается в каждой японской семье, в любой деревне, как и в городе. Это главный закон нравственности. Но все же обманутый муж должен доказать вину.

– Почему вы это решили? – спросил один из чиновников.

– Да! – закричал священник, размахивая мечом. – Когда я сражался, – обратился он к начальству, – то она... вот она... сказала ему, вот этому парню: мол, пусть дерутся, а ты не вмешивайся. Она держала его за рукав, когда я подвергал себя опасности.

Молодой глуповатый монах при этом уставился глазами в пол. Румяное лицо его ничего не выражало.

– Она его жалеет! – истошно закричал бонза⁸.

Ябадоо и это узнал от Ивана, чуть свет успевшего сбегать в храм. Поэтому-то старый самурай все утро ходил в таком волнении по саду. Ябадоо только удивлялся, как мог бонза не думать исключительно о долге во время схватки и погони за преступниками. Ночное событие оказывается немного комическим, хотя и очень ужасным. Тем более священнику, видимо, ничего не удастся доказать! Он станет посмешищем! Это удел ревнивцев!

Почему бонза вдруг взбесился? Всегда жил тихо и учил молодого монаха. Оба с женой его любили. И так жили и молились. Парень был смирный. В каждом храме всегда живут монахи, приходят учиться дети. Всегда при храмах есть квартиры, в которых живут семьи священников. Но если изменяла, то почему же бонза прежде ничего не объявлял? – так размышлял Ябадоо утром, пока не узнал еще более ужасной новости.

Ябадоо – единственный самурай в деревне Хэда на три тысячи жителей, на четыреста семей. Но у него, кроме Ивана, нет ни единого подданного. И Ван, как произносится русское имя работника, смотрит за хозяйством и еще считается бесплатным переводчиком. При случае он несет меч Ябадоо. Но и с этим мечом не все благополучно. Еще не ясно было до последнего времени, имелось ли право носить меч. Можно ли носить один меч или меч и короткую саблю? Поэтому Ябадоо все время хочет доказать свою правоту и очень щепетилен в вопросах высокой дворянской чести.

Половина деревни Хада принадлежит князю Мидзуно из близкого городка Нумадзу. В этой-то половине деревни и живет Ябадоо.

Но сам Ябадоо подданный князя Кисю.

Другая половина, но не вся, а частями принадлежит Огосавара, который по званию хотамото – потомок воинов из дружины первого сиогунa Токугава, род которого доньше во главе армии и управления государством. Точнее, эта часть деревни принадлежит не самим Огосавара, а роду Токугава, то есть самим сиогунам, но управляется временно, и уже сто лет, знатнейшим потомком воинов первовластителя. Однако дело не в нем, а как раз в князе Мидзуно из соседнего города. Князь Мидзуно не признает Ябадоо самураем, считает его простым крестьянином. Ябадоо сумел, однако, стать очень нужным для Мидзуно. Ябадоо хотел бы власти, он может согнуть своей железной рукой всю деревню. Но он не подданный князя Мидзуно, и поэтому власть его ограничена. Хотя и грамотный, все изучает, интересуется даже тем, что запрещено. Он очень любит читать. Он дочерей учит грамоте. Но дракон на мелком месте смешон даже ракушкам!

Кто не признает деревенского самурая? А ведь у него есть власть! И власть большая! Сила у него огромная.

⁸ Бонза – буддийский священник.

Ябадоо – родовое имя, передающееся от отца к старшему сыну. У Ябадоо кроме этого имени есть еще другое имя – Ясобэ – и родовая фамилия – Сугуро. Ябадоо является подданным княжества Кисю, земли которого довольно далеко отсюда, на другой стороне залива, за горами. Князь Кисю вполне признает Ябадоо своим самураем. А князь Мидзуно не признает. Обязанность Ябадоо очень высока. Он от князя Кисю руководит многочисленными рыбаками деревни Хэда, которые тоже принадлежат князю Кисю. Некоторые из них служат Кисю как рыбаки, а Мидзуно – как земледельцы. Это очень сложно и непонятно, но Ябадоо уже привык и знает хорошо их сложное и двойственное положение.

Пограничной охраны здесь не существует. Рыбакам, которые охраняют Японию, наблюдают за морем и побережьем, оружия не дается, им это не доверяется, и они не воины, хотя фактически охраняют, все время в море и зорко наблюдают, они первые видят чужой корабль. Поэтому над ними и поставлен от имени князя Кисю самурай, несущий ответственность, а его старый, дырявый дом под соломой – как бы сильная крепость и защита побережья.

Охрана побережья не должна принадлежать здешним князьям, чьи земли на берегу моря. Это небезопасно, они смогут сноситься с заграницей. Охрана поэтому вверена другому, дальнему князю, охрана ему подчиняется. Его представитель – Ябадоо. Самурай от имени далекого князя Кисю действует смелее и за всем смотрит. А князь Мидзуно не признает Ябадоо самураем...

Как быть? Нынче все самураи беднеют. Ябадоо не сам сюда приехал из Кисю. Ему должность наблюдающего за рыбаками досталась от отца, отцу – от деда, тому – от прадеда. Все предки его были деятельные и грамотные. Это все записано, рукописи хранятся в старом доме. Если Японию затопит цунами, как город Симода, то всплывет невероятное количество сохраняемых древних документов и дневников... Ябадоо так иногда думает, очень опасаясь, что записки могут погибнуть в воде. Или сгореть. Или попасть в руки иностранцев!

Ябадоо, зная, что князю Мидзуно нужны лошади, развел целый табун. Этим он стал для князя нужнейшим человеком. Кони пасутся на сопке, которая принадлежит лично ему. Но, кроме Ивана, у самурая нет подданных. Ежегодно двух лошадей Ябадоо отводит князю Мидзуно. Тот очень доволен бывает, благодарит, но самураем так и не признает. Если Мидзуно признает Ябадоо самураем, то не будет получать от того в подарок двух лошадей. Ябадоо платит, чтобы не нести других крестьянских тягот. Вот в какой заколдованный круг он попал благодаря изобретательности своих предков. Он намекал Мидзуно, что если станет самураем, то будет по-прежнему отводить ему лошадей, и даже не двух, а трех. Мидзуно, хитрый тиран, улыбается и только благодарит. Но в душе не верит, чтобы не в податль приводили коней.

В семье Ябадоо шесть дочерей и трое мальчиков. Однако сильнее всего любит Ябадоо не свою семью, а честь Японии и ее властелинов и для них хотел бы вырастить прекрасных детей. Один парень больной, другой глуповат. Старший сын умный, хорошо учится, ходит к бонзе давно. Ему будет передано имя Ябадоо и должность. Но на коне не может скакать. Его рвет, укачивает, как и в море. Как быть? Есть обычай брать на воспитание. Но у кого? Крестьянского мальчика Ябадоо не возьмет. А положение с его самурайством такое неясное, что ему никто из самураев не отдаст сына.

Пять дочерей от жены и одна от наложницы. Приходится дочерям самурая тайком исполнять мужскую работу. Как тут не задуматься! Две девки рослые и некрасивые, как морские солдаты эбису. Дочь Сайо очень нравится отцу.

Самая тяжкая и ответственная забота – рыбаки. Руководство рыбаками – обязанность Ябадоо. Это нахальная, безобразная ватага, грубая и нищая. С ними надо поступать очень строго. Следить, чтобы докладывали, не видно ли в море чужих судов, и чтобы сами не убежали за море. Учишь, как следить друг за другом. Приходится жестоко и беспощадно наказывать.

Ябадоо отлично знает рыбацкое кораблестроение. Строго следит, чтобы суда все время строились как принято, подписались при этом в борт жердями лучшего качества.

Но вот настало новое, хорошее время. Ябадоо, знающий дело, назначен заведующим судостроением в деревне Хэда в помощь эбису на весь срок стройки. Как они будут строить? Какие же упоры им потребуются, чтобы большое западное судно строилось бы, не повалилось? Ябадоо временно произведен правительством в самурайское достоинство, с предоставлением ему светло-серого кафтана и всех прав, до окончания постройки русского корабля. Радость неимоверная, осуществление мечты всего рода, радость не только самому, но и предкам. Но также забота и тревога. Ведь еще не известно, что для западного корабля потребуется. Достаточно ли будет знаний наших мастеров и тех жердей и бревен, которыми Ябадоо готовится подпереть строящееся судно с обоих бортов? Начать постройку можно бы и в деревне, на улице около дома плотников. Там широкое место. Но, говорят, западная постройка судна – что-то чудесное, небывалое и особенное. Конечно, если ничтожных людей из их команды мы принимаем за самураев, то какими же окажутся их высшие рыцари...

Не один Ябадоо назначен правительством бакуфу⁹ на важный пост. На такую же должность назначен и в это же звание возведен купчишка Ота, богач, торгош и судовладелец, который имеет свои корабли, богатеет и возит по морю соль из Осака в Эдо. На одном из его судов пришли эбису. Ота не самурай, никакого права у него нет, он очень богатый, грубый и простой, выскочка. Теперь есть рыбаки, которые хотят стать дельцами.

Рыбаки Ота-сан хвалят все американское. Ота также временно стал самураем, ему, как и Ябадоо, дан серый чиновничий халат с широкими плечами и передником, и это глубоко оскорбляет Ябадоо в его лучших чувствах. Два новых самурая должны работать вместе, неустанно стараться, помогать друг другу изучить западное судостроение и следить друг за другом, доносить об успехах в работе.

Такова запутанная жизнь!

Но если бы жизнь не была так запутана, то, может быть, не было бы и счастья. Поэтому чем больше все запутывается, тем лучше. Возможно, так. Поэтому надо не только правительству, но и ему, Ябадоо, воспользоваться обстоятельствами. В его голове стали являться виды на выгоды, которые можно извлечь из всех этих запутанных обстоятельств. Словом, русских надо изучать!

А изучать Ябадоо любит. Он схватывает все быстро и запоминает.

Сегодня Ябадоо на ногах еще до свету. Он проверял, как рыбаки исполняют указание правительства. Увидев огни в их домах, он рассердился. Послал И Вана сказать, что пора идти в море, нельзя так долго спать или лениво собираться! И Ван завернул на происшествие в храм и доставил новости.

Через старост и старшин приказано жителям выказывать полное безразличие к эбису, не удивляться ничему. В домах спрятаться и закрыться, как в крепости. Стараться добывать побольше рыбы. А рыбаки? Недисциплинированно рассуждают о том, о чем велено молчать... Это же их дети слышат! Такие безобразия!

Самурай привел еще с вечера прибывших морских солдат к себе, он полагал, что они рыцари. Он брал на себя всю ответственность перед властями и полицией. Неприлично было бы поместить их в незаконченный барак. Он это доказал и получил одобрение. Но на самом деле он поступил так из своего любопытства и желания стать более образованным и еще более полезным Японии. Как человек, служащий сразу двум князьям и правительству, он привык всюду успевать.

Репутация Ябадоо вне сомнений. Он показал, что заботится о морских солдатах, наблюдает за ними и поддерживает достоинство своей страны. Одновременно исполняет два важнейших государственных поручения. Изъявляет чувства дружбы к жителям соседней страны, которые прибыли подписывать договор и построить корабль. Верная дружба и полное содей-

⁹ Бакуфу (буквально – палаточная стоянка) – так называлось высшее правительство Японии.

ствие! Второе: строжайшее наблюдение и изучение. Поэтому самурай привел эбису для щедрых угощений и отдыха в удобствах.

Ябадоо при этом показывал им, что является ответственным рыцарем. Как хотелось посмотреть, что за люди, поразить их богатством дома, достатком!

За саке сегодня Ябадоо спрашивал их: «Ну, как, у вас есть все это?» Удалось задать еще более важный вопрос: «Что, по-вашему, есть в Японии хорошего?»

Все шло чудесно. А какой ужасный конец! Кто же знал!

Ябадоо духом не падает. Они не самураи, он их удалит вежливо и даст понять им, что полагается. Он приобрел опыт. Это было подготовительное угощение. Теперь он более ответственно пригласит к себе самих рыцарей западного судостроения, морских начальников из России.

Ябадоо осознал, что политика правительства по открытию страны верна. Эбису ночевали в доме, где тепло и чисто. Им приятно, их молодые лица выразили благоразумие. Вчера они смеялись, конечно, от удовольствия, им понравилось тут. В таком случае у хозяина может составиться хорошее мнение. Сегодня около морских воинов засуетилась жена. Дочери принарядились. Выйти в сад отец разрешил одной Сайо. На это у него были свои соображения.

За вчерашний вечер Ябадоо заметил у эбису куртки, клеенчатые плащи, мешки, портянки, нижнее белье. У западных людей хорошая дисциплина. После бани сегодня переоделись в чистое белье. Ябадоо приказал грязное выстирать женщинам. Но в первую очередь надо заимствовать не мелочи, а настоящее военное кораблестроение с артиллерией западного образца. Для этого узнавать все секреты. Это совершенно не противоречит другим твердо поставленным задачам.

Ябадоо произведен временно в рыцари, и ему назначено жалованье. Как всем чиновникам в государстве, платить будут рисом. Но чиновники из Эдо говорили, что впоследствии за постройку корабля дадут премию деньгами, и если не провинишься, то останешься самураем навсегда.

При большой семье деньги очень пригодятся. Нелегко кормить столько ртов. Ябадоо до сих пор обходился рыбой. Он вправе получать ее от рыбаков для пробы, без вознаграждения.

Старый дом Ябадоо под обрывом горы выстроен как у богатых: длинный фасад, терраса с окнами, заклеенными бумагой, соединяет как бы два флигеля. К этой террасе пристроено еще много клетушек. Тут же сад. Конечно, солома на крыше уже старая и гниет, но выложена толстым слоем, солидно, стрижена с краю очень аккуратно, даже Янка, морской солдат эбису, был в восторге.

Ябадоо построил еще каменный дом под черепицей. Краса и гордость семьи. Новый дом стоит в глубине усадьбы, за деревьями. В нем никто не живет. Ябадоо открыл в каменном доме ломбард. Под залог очень выгодно дает в деньги своим же рыбакам, а также княжеским крестьянам... Не зря, несмотря на все осложнения, должники давно признали его самураем. Он предприимчив: ведает с одинаковым усердием береговой охраной в доме под соломенной крышей и закладами в каменном.

Появились матросы в своей военной одежде.

– Наш барон все давится дымом, – молвил Васька, глядя, как Ябадоо курит.

– Нельзя других мучить, так он хоть себя, – подтвердил Берзинь.

– Пойдем! – чисто по-русски ответил им Ябадоо и сам удивился, как запомнил слово. Только вчера услышал его впервые и сразу понял. Васька так сказал. За это получил от рыбака палкой по голове как за неуважение к Ябадоо.

Самурай пошел на пристань с матросами по пыльной тропе между цветов камелий. Он шел, растопырив руки, втайне сильно смущенный, и, стараясь не выдать себя, вытягивал лицо и грозно хмурился. В какую лужу он сел! Хорошо, что вовремя выяснил И Ван. Он слышал про одну книгу, где описывается, что воины и военные морские солдаты западных эбису не явля-

ются самураями, набираются насильно из простонародья, потому жадны, грубы, развратны, как все христиане. Прибывшие на судне в Хэда шестеро матросов недостойны полного уважения. Они не дворяне. Завтра придут морские войска посла Путятин и японские образованные чиновники. А матросов надо поскорей убрать из дома. А пока – соблюдать вежливость, продолжать, как начал. Уходя из дома, Ябадоо велел нарезать курицу и приготовить лепешки из муки. Жена и дочери стараются.

Маленький, щедушный Ябадоо держал руку на рукоятке сабли, чтобы все видели, что все эбису находятся у него под строгим наблюдением.

У ворот храма самурай встал как вкопанный и стал смотреть на белокорое, причудливо изогнутое дерево без листьев.

– Есть ли такое дерево в вашей стране? – спросил он глубокомысленно. Зная, что эбису не понимают, и, не дождавшись ответа, продолжал: – Это такое скользкое дерево, что даже обезьяна не может на него залезть.

Он пожевал губами и оглядел матросов, как бы еще надеясь, что его поймут. Хотелось бы от души поделиться с гостями чем-то поразительным.

– Пу-ти-а-тин! – сказал самурай, указывая в ворота на деревянный храм под черной соломой.

Васька понял, что в этом храме будет жить Путятин, адмиралу отведена резиденция.

Над дощатыми ступенями широкий вход раздвинут, и в глубине храма суетятся какие-то люди. Двое японцев вышли из храма, встали на колени перед Ябадоо. Он что-то сказал, отклонился и пошел дальше. Путь загородил выступ горы в хвойном лесу с пальмами и в колючках, свисавших ворохами, как сено. Вокруг обрыва и улица изогнулась. Прошли мимо другого храма и кладбища, дальше дом и сад с апельсинами на деревьях. Из-под каменной ограды бежал родник. Две страшные, тощие японки с почерненными губами, стуча деревянными подошвами, торопливо побежали прочь, унося полные деревянные ведра на коромыслах с веревками. Самурай, не сгибая ног, шагнул дальше, для важности растопырив руки в длинных рукавах.

Вышли на пустырь. Земля тут пахана когда-то, но заросла сорняками. Сотни две японцев в повязках на головах и в шляпах заканчивали постройку бараков. Плетни обмазывали глиной, рыли ямы, обводили весь лагерь городьбой из аккуратно отрезанных сухих и толстых бамбуков одинакового размера. Носильщики тащат в бадьях глину, печники вмазывают котлы. Во дворе чешут и подбирают рисовую солому, подают ее на крутые крыши кровельщикам. С пристани катят тележки с бамбуками и едут арбы-двуколки, запряженные коровами, нагруженные доверху толстыми циновками.

Ябадоо показал на матросов, потом на солнце и опять на постройку.

– Это для нас! – понял Берзинь. – Велит нынче переселиться.

– Да, поторапливает, – молвил Вася.

Обедали на берегу. Подошли Аввакумов и Киселев, отоспавшиеся до обеда. Каждому матросу японцы принесли, как и своим рабочим, по деревянному ящичку с рисом и с холодным, несоленым супом в чашках.

Аввакумов, сидя под соломенным навесом, нарисовал для Ябадоо основание русского корабля.

– Называется киль!

– О-о! О-о! – произнес старый судостроитель. «Ну как это будет возможно у нас?» – подумал Ябадоо. Как бы то ни было, но следовало обеспечить постройку корабля всем необходимым.

Ябадоо дружески улыбнулся матросам, словно приготовил для них сюрприз. Откуда-то появился Иосида и сказал, что Ябадоо-сан приказывает всем шестерым сегодня же переехать из его дома в лагерь, так как один барак уже готов с утра. Помещения очень хороши.

– Пожалуйста, получите, – добавил он.

После работы матросы пошли за вещами. Возле их постелей лежали постиранные рубахи и халаты.

– А где же подштанники? – спросил Букреев.

– Может, еще не просохли? – предположил Берзинь, выглядывая в окно.

Но подштанников нигде не было видно. Нет и работника, спросить не у кого.

– Около бани исподнее, лежит на траве! – крикнул со двора Берзинь.

– Стираное?

– Нет, грязное. Как мы бросили, так и лежит.

– Видишь ты! Значит, бабы у них мужское белье стирать стыдятся, – сказал Аввакумов, подбирая в саду свое белье.

– А как же рубахи? Вон как славно постирали.

– То рубахи...

Вошли в дом. Янки еще не было. Он где-то задерживался. Вслед за матросами в дверь потихоньку влез И Ван.

– Послушай, брат, разве у вас бабы такие горячие, что им кальсон не дозволяется касаться... в руки не берут? – спросил Букреев, показывая на свое нестираное белье.

– Спасибо... спасибо... – ответил И Ван.

Вошел улыбающийся самурай, узнав, о чем речь, объяснил, что такие кальсоны до сих пор японцам неизвестны, поэтому стирать лучше самим. При этом Ябадоо посмотрел виновато и ощерился в улыбку.

– Ладно! Мы чужой закон уважаем! – сказал Маточкин.

Янка Берзинь вошел быстро. Он был бледен.

– Ты что? – спросил Васька.

– Я ничего...

– Строго же! Деревня! Вообще-то, наверно, это хорошее правило, – говорил Букреев, когда шли в лагерь.

Мецке Танака, прибывший на судне с матросами, сопровождал их. Он шел рядом, кивал, улыбался и тянул уши, как бы стараясь понять. Говорили про Японию. Мецке сегодня выпался и приступил к делу с новыми силами. Он сознался, что ночью шпионам хотелось спать и наблюдение производилось недостаточное.

– Эх, брат, и надоел ты нам! – сказал ему Букреев. – Дал бы я тебе затрещину, чтобы ты долго помнил...

Мецке захихикал. У ворот он низко поклонился и показал, что в лагерь войти не смеет.

– Конечно, тут уж мы никуда не денемся, как в тюрьме, – ответил ему Василий.

Вокруг лагеря поодаль друг от друга прохаживались японцы с саблями.

– Еще пришли два судна с чиновниками из Эдо, – докладывал о раздобытых сведениях Киселев.

Матросы расположились в законченном бараке у стены, когда, дрожа от страха и озираясь, вбежал Иосида. Седые клочья волос торчали на его потной лысине. Он казался еще более жалким, чем на судне.

– Пу-тя-тин! – воскликнул Иосида, протягивая синюю от холода, тощую руку. – Идет! Уже идет!

Он объяснил, что чиновники пришли и стоят во дворе. Они просят, чтобы унтер-офицер от имени русского правительства осмотрел храм, отведенный для адмирала Путятина напротив лагеря. Аввакумова просили надеть форму, взять оружие и с двумя матросами встать в почетном карауле у входа в храм. Снаружи будет стоять японская охрана с саблями, а во дворе и у входа – русские с ружьями.

– Адмиралу это будет очень приятно! – пояснил Иосида. – Очень красиво...

Аввакумову и матросам пришлось заново обрядаться в мундиры и затягиваться.

– Неужели подходят? – удивился Дементьев.

– Евфим Васильевич ходкий! – похвалил Маточкин.

– Как же! Это наш адмирал! – с гордостью молвил Василий, надевая кивер и глядя в зеркальце, прилаженное на ранце.

– Выперли нас... Мало погостили, – сказал Янка.

– У барона-то, – молвил Букреев.

– А вы все зарились... По усам текло, да в рот не попало, – сказал Аввакумов.

Янка Берзинь самодовольно усмехнулся, но смолчал. Сегодня он не зря задержался за баней после того, как товарищи нашли и собрали белье в траве и пошли в свое помещение. Янка заметил в зарослях в саду синий халат японки, приносившей утром кувшины с саке и угощение.

Стоило ей мелькнуть в высокой чаще безлистных стволов-прутьев и только раз глянуть на Янку, как проворный матрос вмиг очутился в бамбуках и крепко сжал ее в своих объятиях.

Она немолодая, но все же ладная.

Когда зарычал и закашлялся самурай, ходивший бдительно по саду, то Янка ее уже отпустил и она пошла, отряхнув халат, как ни в чем не бывало. По лицу и по глазам ничего не узнаешь. Как ничего и не было! Вот у кого надо учиться! Такую жги огнем – не признается.

Янка ничего не говорил товарищам. Когда шли от самурая с вещами, останавливались закуривать, Васька спросил:

– Что у тебя руки дрожат? Кур воровал? – Букреев подмигнул товарищу. Он догадался, зная друга и приятеля Янку.

– Сейчас построимся и выйдем с ружьями на плечах, – сказал Аввакумов.

Глава 4. Боги поют

Над горами появилось незначительное желтоватое облако. Такого еще не бывало. Лесные склоны занимались, как пожар, дымом.

– Быстро они вокруг моря дошли! – говорил Аввакумов, стоя у ворот храма с товарищами.

– Здесь еще тихо и цветы, – с оттенком грусти сказал Маточкин, обращаясь к проходившим мимо и улыбавшимся ему празднично разнаряженным, нежным на вид мусмешкам, – тучей найдут и все вытопчут.

Девочки и девушки посмотрели ему в лицо, рассмеялись и прошли гурьбой дальше по улице. С огромными красными, голубыми и пестрыми бантами на спинах, ладненькие и крепкие, в грошовой, но опрятной обуви, они зашагали озабоченно, как за важным делом или на богомолье.

Большой овальный куст камелии около поворота дороги похож на слегка склоненную нежную и чистую девушку в праздничном кимоно из шелка, затканного красными цветами. Наверно, в глубокой древности первые японки хотели нравиться и радовать, поэтому сшили себе такие одежды, чтобы походить на цветущие кусты. Надевая кимоно, как бы становишься нежным и прекрасным кустом красных и розовых камелий. В свое время это было, конечно, открытие, изобретение, гораздо более могущественное, чем современные американские паровые машины с пароходов Перри! Даже несравнимо!

Мецке Танака стоял у поворота дороги. Он очень недоволен, что девушки здешней деревни оделись празднично и не обращают внимания на замечания.

Здесь следит за порядком не один Танака. Много мецке нагрязнуло в Хэда из столицы Эдо, из Симода и Нирояма. Но Танака считается одним из наиболее опытных.

Девицы в этой глуши дики, не оказывают должного почтения. Поклонились низко, но потом сделали вид, как будто ему следует пройти, а не им полагается убраться с улицы. Здесь, в глухой деревне, люди вообще неучтивы. Если так одеты, то не простые девушки; если из богатых семей и так нарядны, должны быть обучены манерам. Виноваты родители, зачем отпускают? Лишний раз подтверждается народная мудрость, что женщине, какая бы она ни была, никогда нельзя предоставлять самостоятельность.

Хицно выгнулась верхняя губа в черной реди усишек, как в хлопьях сажи. Приоткрылись торчащие желтые неровные зубы. Так бы, кажется, мецке и вцепился клыками в невинных красоток.

Чувствуя злой, липкий взгляд, девушки приостановились и притихли.

Высокая, с большими огненными глазами, сияющими почти злорадно, дочь купца Ота сказала что-то подруге. Обе засмеялись. Невежливо, даже дерзко смотрели на полицейского, черный огонь злорадства не угасал в девичьих глазах.

Мецке с саблей прямо подошел к ним.

Если бы не сухие руки и не островатые отцовские скулы, маленькая и хорошенькая дочка Ябадоо совсем выглядела бы куколкой.

– Ха-ха-ха! – засмеялась она, но не совсем в лицо чиновнику, а чуть в сторону. И поклонилась почтительно.

– Ха-ха-ха-ха-ха-ха! – почти нахально подхватила высокая девушка и тоже согнулась в поклоне.

Обе в белых туфельках, в белых носках, как в перчатках, в кимоно с цветами, обе в роскошном иссиня-черном блеске девичьих причесок. А вежливости не научились! А ведь бедные деревенские девушки насмотрятся на них и подражают!

Пять девиц, одетых попроще, но тоже с бантами за спиной и в нарядных прическах, испуганно плыли по улице, семена ножками, и тоже смеялись.

Маленькая фарфоровая статуэтка сегодня получила подарок от западных морских воинов – картинку с изображением европейской женщины, скачущей стоя на коне! Это чудесно! Огромное впечатление! Молодая женщина танцует на коне! Но как это понять? Конечно, только как смелость! Можно ли после этого слушаться старичишку-полицейского? Она показывала картинку подруге.

Идет Ябадоо. Он озабочен и спешит. На шее и на виске вздулись синие жилы. Мецке зашуршал своим халатом за свирепым самураем, как пыль за ветром. Обоих словно сдуло с улицы.

Между низких каменных стен, за которыми торчали ветви с апельсинами, по узкой, кривящейся улице бежит лысый пожилой скороход. Он дышит тяжело, как умирающий, при этом закидывая голову, словно поет песню. На ногах большие соломенные сандалии, почти такие же, как Ябадоо надевает на копыта своих верховых лошадей.

На участке крестьянина Нода бьет родник. Тут любимое место сборов женщин, их клуб, отрада сплетниц. Источник аккуратно обложен тесаными камнями. Романтический родник у храма! Каждому, кто учился, приходилось читать про такие источники благоденствия, покоя и чистоты у китайских классиков. Над крошечным озером с журчащей струей огромная плакучая ива. Участок не огорожен, каждому разрешается прийти и взять хорошей воды.

Дом Нода стоит напротив двустворчатых ворот нового лагеря, построенного для эбису. Ворота для эбису поставлены крепкие, из сосновых рам, зашитых циновками.

Маленький крепыш Нода и долговязый Ота распоряжаются бедными крестьянами, которые роют канавы на пустыре. Нода непревзойденный мастер на все руки. В его семье от мала до велика все с утра поглядывают в глубь ущелья вдоль горной дороги. В лагере приготовления к приему эбису закончены. Женщины, подходя за водой к роднику, получают здесь самые достоверные известия и обмениваются новостями. Видно большое поле, под рогожами, циновками или просто в шалашах из корья живут рабочие, пригнанные сюда на казенные работы и еще не размещенные по квартирам. Люди, как земляные пауки, копошатся на этом поле, где когда-то богатый хозяин сеял рис. Теперь он уехал, а поле пока поступило в распоряжение высшего правительства бакуфу.

Нода лыс, обут в аккуратные сапожки со стяженными голяшками, как для похода в колючий лес. Он ласково улыбается, множество морщинок скрывают его глаза.

Нода чуть свет обошел сегодня дома своего десятка и объяснил крестьянам, как следует вести себя с эбису во время их пребывания в деревне Хэда. Разослано тайное распоряжение чиновникам, буддийским священникам, а также старостам – обращаться к самым основным, укрепляющим общество предрассудкам и суевериям, которые сам Нода, как и Ябадоо, считает низкими и недостойными. Но оба понимают, что правительство желает лучшего, стремится спасти население деревни Хэда от сближения с эбису.

– А священник... вместо исполнения решений правительства бьет свою жену, – сказал Нода, и его сытое, гладкое лицо опять воссияло и испещрилось мелкими ласковыми лучами.

– Они уже идут, – говорила женщина у родника, где стеснился десяток деревянных ведер.

В испуге женщины смотрели на разбухавшую тучу пыли. Мецке заглянул в лицо женщины. Оказалась старухой с подчеркнутыми зубами. Все ведерное собрание поклонилось Ноде, Ябадоо и мецке, и опять сразу же застучали деревянные гета¹⁰, разбежавшиеся во все стороны.

¹⁰ Гета – туфли.

Улица заполнялась народом. Замелькали цветные платки на головах мужчин, толпа бурлила, словно начиналось восстание. Сумрачно нависли в этот час над деревней горы. Солнце перед заходом пробило тучу и лес золотым взглядом.

С мрачных высоких гор вдруг донеслись странные звуки, словно на небе запела божественная труба. Это пение. Оно становилось все громче, шире и грозней. Это ужасно волнует. Казалось, что поют горы.

Маленькая Сайо молчалива, как и велит ей всегда отец. Дочь Ота вздрагивает от нетерпения, вскидывая плечи. Она тихо, но с жаром и очень кратко и отрывисто восклицает: «Ох!.. Ох!..»

Неприкасаемые тут же толкнутся – приехали на лодках или пришли берегом из соседней своей деревни.

– Может быть непорядок, – в ухо самураю трещит мецке, как в бурю, хотя на деревьях лист не шелохнется, а в воздухе теплынь.

– Все правильно, – хрипит с важностью Ябадоо, но сам не знает, правильно ли...

«Неприкасаемые бывают очень старательными полицейскими. Отличные! Злые, смелые. Но что за безобразие! Лезут дочери Матсусиро! Дочь Ота? Оюки-сан? Неужели матери не могли удержать? Что это? Как неприлично... Тут и моя Сайо? И моя жена?»

Но вот рядами пошли приехавшие из столицы чиновники и полицейские. Бегущая толпа рабочих и сельчан затягивала дома полосатой бело-голубой материей.

Волнующее пение приближается. Поют небо и горы. Пение распространяется по всему лесу, словно масса эбису движется сюда по всем дорогам. Это пение богов! Сколько же их? Они идут везде, растянулись по всему хребту.

Внезапно все стихло, словно эбису исчезли в синей мире, и вдруг торжественно запела труба и загрохотали барабаны. Над горной дорогой стали вздыматься новые обильные клубы пыли. Да, там давно не было дождя. Вот запылили сильней. Клубы пыли повалили из леса.

Что-то черное, как гигантский дракон, выползает на дорогу и начинает спускаться вниз по долине, разлинованной рисовыми полями и террасами.

Крики ужаса слышатся вокруг. Хлопают двери и калитки, закрываются ставни.

Вот уже идут. Идут! Мать рыбака заплакала, в страхе дрожа всем телом. Но мальчишки гурьбой помчались навстречу. Осмелев, и другие дети, мальчики и девочки, прыгали через заборы и присоединялись к бегущим.

– Они страшные... страшные... – уверял старик.

«Что же делать? Где та сила, которая могла бы укротить людское любопытство? Это все женщины виноваты! Их не разгонишь с улицы ничем! Уговоры не действуют! Неужели правительству придется наказывать нашу деревню?» В глубине души Ябадоо какая-то странная уверенность, что страшного, однако, ничего не произойдет. Сейчас не время объяснять себе причины. Свирепый самурай спокоен. Начинается дело. Он обязан строить, заботиться. Военственное пение и голоса божественных труб вызывают в нем не только восхищение, но и мужество воина, и доблесть строителя корабля. Признавая достоинства и великолепие эбису, он не желал бы поддаться им ни в чем и никогда! Он еще молод, ему нет и шестидесяти!

– Эбису едят людей! – тыча чуть не в лицо мусмэ дряблым пальцем, стыдит крестьянин. – Бегите скорей отсюда...

– Я хочу, чтобы меня съели! – вызывающе отвечает дочь Ота.

– Вон к нам поворачивают! Бегите!

– Это боги! – шепчет Сайо.

Бонза из храма Хосенди сказал сегодня, что будет молиться и не выйдет встречать. Неприлично, когда гостей встречает бонза. Ведь его вид вечно напоминает не о гостеприимстве, а о похоронах и кладбище. И вон он, прячется за деревом.

Подходят рядами рослые люди в золотых пуговицах и в высоких узких шапках. Уже видны лица в усах.

– Страшно... страшно... – шепчет старушка, но не уходит.

Впереди знамени и адмирала шагает лейтенант Алексей Сибирцев. За ним, в первой шеренге, огромные матросы первого взвода первой роты – Маслов, Сизов, Мартыныш.

Людям передавалось волнение, с которым их ждали. Все чувствовали, что на них смотрят, и словно от того, как они войдут, как покажут себя, будет зависеть вся жизнь здесь. Искры, пролетавшие между напряженной толпой крестьян и марширующим авангардом за спиной Сибирцева, были подобны невидимым, но жгучим молниям.

Гордые и бесстрашные воины, суровые и жестокие – такими видели их из толпы. Усатые эбису, видя разноразную толпу женщин, чувствуя деревенский воздух с дымом и запахом земли, видя сады и цветы, апельсины и сухие пальмы, может быть, очень смягчались.

Первая рота экипажа повзводно, с офицерами, шла прямо к морю. За ней, через интервал, шагал адмирал Путятин с офицерами. Впереди несли его знамя.

Адмирал приказал на последнем привале убрать самураев из головы колонны. Накамура, сопровождавший его, согласился сразу. Сибирцеву приказано задать шаг. Адмирал горд, что в его экипаже есть такой замечательно стройный офицер, с образцовой походкой и с таким серьезным и добрым лицом, по сути – единственное настоящее русское лицо. Сибирцев идет, как молодой бог, так стройны и легки его ноги. Пусть он и отрекомендует нашу Россию!

Знамя развернули, и трубачи подняли трубы.

«Тяжело в ученье – легко в бою!» – думает Путятин. Он затянут в свой узкий черный мундир, усы тонко выкручены, сапоги, как черные зеркала, в пыли, адмирал смотрит щеголем, помолодел в походе по горам. Он чувствует себя так, словно не только толпы крестьян смотрят на него и на всю команду, а и вся Япония. И, быть может, не только она, но и целый мир, и вся Европа. Ведь когда-нибудь, несмотря на всю секретность всего, что делает императорское правительство, мир узнает. Происходит что-то небывалое. Но, как всегда, у нас все потом перехватят и нас же постараются выставить дураками... Жена-англичанка, провожая в плавание, предвляла его от излишней скромности в сношениях с иностранцами. Она знает!..

А вы, господа офицеры? Если бы я вас три года день и ночь не муштровал, не требовал бы с вас, не заставлял бы читать, переводить, учить языки, заниматься парусными и abordажными учениями? А жаловались, что я взыскиваю за каждую мелочь! Нет, не мелочь – аккуратность, без которой нельзя владеть современным оружием! И, как назло, на смотре японские послы взяли ружье – оказалось не чищено! Вот же! Отличный офицер Алексей Николаевич, понял все! Умница! Ретивый исполнитель... А как шагает...

Тверже шаг! Черная лавина все ползет и ползет из леса, и не видно ей конца. Интервалы увеличены, колонны растянуты, все рассчитано на эффект. Это не беда, не обман. Это прием. «Каждый генерал должен быть дипломатом!» – глядя внутрь себя, думает адмирал Путятин. А ему, генерал-адъютанту, адмиралу и послу, еще предстоит тяжкий труд – надо заключать первый в истории договор о дружбе и границах между Россией и Японией. Еще придется ехать в город Симода, уполномоченные японского правительства там живут и ждут его в этом когда-то прекрасном, цветущем городке, теперь уничтоженном волной цунами.

«Неслыханно!» – думает Ябадоо. Как все японцы, он пылок и впечатлителен. И таким остался до старости.

С адмиралом идет уполномоченный японского правительства Накамура Тамея. Начальник округа Эгава Тародзаймон въезжает в деревню среди эбису верхом на коне.

В усах пришельцев, в их киверах, в порядке и стройности рядов была не только сила, но и почтительность, любезная японскому сердцу, старательная аккуратность. Все вместе означало уважение к Японии. Нет, это шли не побежденные и не пленники, как рассказывали тайные говорки, это наши гости!

Оркестр стих.

– Спасибо! Спасибо! – стали кланяться низко женщины и за ними вся толпа. – Пожалуйте! Спасибо!

Алексей Сибирцев первый входил в деревню Хэда, за его спиной слышался тяжелый, единый шаг сотен ног.

«Теперь пора, – думает Сибирцев. – Еще четыре шага, и...»

В грозной тишине маршируют усаые гренадеры.

– Запевай! – командует Сибирцев.

Над широким, вольным морем... —

начал запевала.

Вдали от родной стороны... —

подхватили дружные тяжелые голоса.

– Ффю-ють, фьют, фьют! —

залились присвистом в припеве, заложив пальцы в рот, молодые матросы.

Шли под звуки грозной, грустной и торжественной песни, похожей на гимн. Вступили в улицу.

Страдание, выраженное такой песней, ужасно, непереносимо! Дочь Ота вскрикнула, как раненая, ее черные огненные глаза увидели идущего впереди. Эбису, нежный и светлый, как бог, шагал со стальным мечом над головой и вдруг красиво вложил его в свои ножны. Она согнулась перед ним, как бы готовая служить, согнулась почтительно, покорно и с благодарностью, что он позволил ей смотреть на себя и так увидеть что-то новое, неведомое и пока еще неизвестное. Она превращается из высокой, торжественной красавицы в кимоно и камелиях в простую японку, от которой требуются лишь покорство и разжигающее сердце терпение.

Эбису все очень строгие, их лица холодны, глаза смотрят честно, не обращают никакого внимания на женщин, эбису думают только о военном долге и своем государе.

– Вон Путятин... Путятин... – сказал Иосида. Перед адмиралом несли знамя. Все офицеры в эполетах с золотыми кистями. Один эбису был необыкновенным, никогда не виданным человеком. Что-то бесподобное и совершенно удивительное и безобразное. Офицер тоже в золоте на плечах и в золотых пуговицах, но очень высокого роста, напоминает вышки в городе Эдо... Он с белыми глазами, идет в свите Путятина, как взрослый среди детей. Замечен шаман эбису в долгой одежде, с длинными волосами. Это страшно! За одну только мысль о христианских священниках людей казнили. Так в течение двухсот пятидесяти лет...

А вторая рота уже входила в деревню с новой песней:

Шел матрос со службы, зашел матрос в кабак...

– Спасибо! Спасибо! – кланялись жители.

...Их судьба выражена в этой песне, хотя мы не понимаем слов! Но мы понимаем их чувства. Мы всегда знали, что есть огромный мир, и даже самые темные и неграмотные в деревне Хэда ожидали, что мир откроется в глубине морей и за морями, куда попадают пока только самые нищие – рыбаки. Знали это хорошо, потому что на берег море выбрасывало испокон веков людей из разных стран. Всегда в море ходят чужие корабли, и все мы в детстве в страхе

смотрели с горы на далекое море с парусными кораблями. Всех жалко до слез. Конечно, если не придет распоряжение свыше, чтобы смотреть на эбису по-другому.

Сел матрос на бочку, давай курить табак...

– Э-э-эй, эй, эй! – подхватили все эбису на улицах, горах и на полях.

Это что-то небывалое, казалось, вся страна пела в воинственном согласии. Сотни голосов в гике и уханье сразу подхватывают на короткое время, а потом опять слышится пение в полном благородстве. Это огненный смерч, зажигая сердца, катился по улице, как дракон.

– А у них синие глаза! – зловеще сказала старуха с вычерненными зубами, когда все эбису смолкли и первый взвод стал поворачивать в ворота лагеря.

– Прозрачные, как наша бухта Хэда! – романтически пролепетала тихоня Сайо.

– Как голубые молнии! – вздрогнув, неприлично громко воскликнула дочь Ота.

– У них у всех голубые глаза! – зловеще и грозно повторила старуха, проходя перед наряженными девушками, словно устрашая их.

А тут повалили матросы, босые, с сапогами, изорванными в походе и перекинутыми на веревках через плечо.

Девушки покорно кланялись.

Шли японские чиновники. Носильщики на плечах тащили пустое каго – целый дом представителя высшего правительства, секретаря посольства на переговорах с Россией Накамура-сама... На носилках пронесли больных матросов.

– Ну что же, господа, пока все благополучно, – сказал Путятин капитану и старшему офицеру. – Все держались молодцами, не посрамили чести и славы...

Представитель японского правительства Накамура Тамея подле адмирала предлагает поклоном и жестами входить в ворота храма.

Во двор внесли знамя и вошел отряд матросов, за ними последовали Путятин и Накамура со своими свитами.

Капитан Лесовский отправился принимать лагерь вместе с главным чиновником местной округи, высоким красавцем Эгава.

Увидев Аввакумова и матросов, адмирал поздоровался. Матросы зычно отвечали ему.

– Благополучно ли дошли? – спросил адмирал.

А из лагеря донесся дружный крик сотен голосов. Там выстроившийся экипаж отвечал на приветствие капитана, поздравившего матросов с благополучным окончанием перехода.

– Ну как, Аввакумов, выбрал место для постройки корабля? – спросил адмирал, когда японцы простились и ушли, а свита и матросы, служившие адмиралу, стали устраиваться на ночлег в двух отведенных храмах.

– Нет, Евфимий Васильевич, площадки удобной, – ответил Аввакумов. – Кругом теснина. Надо вырезать в горе или рвать скалы! Или сносить дома в деревне... Они строить не дадут, напрасно говорят. Они все время нам мешали и работать не позволяют. Да вот Киселев, что слышал, скажет вам сам... И мы видели, что, кажись, толку не будет, им не это надо...

– А что же они? – обратился адмирал к Киселеву.

– Как всегда! – отвечал матрос.

– Утро вечера мудренее, – сказал Путятин. – На молитву в лагерь, господа! – повернулся Путятин к офицерам.

Он вышел из ворот рядом с рослым отцом Василием в бороде и с крестом на рясе.

Мецке с молчаливым удивлением таращились на человека с крестом, открыто шагавшего по японской земле.

Глава 5. Адмирал Путятин

С вечера было душно и жарко, как летом. Евфимию Васильевичу приснилось на новом месте, что он с женой едет в рессорном экипаже. На облучке, рядом с кучером, сидит Накамура Тамея и, оборачиваясь, ласково кивает. Мэри обмахивается веером и говорит: «Как тут красиво!» Евфимий Васильевич отвечает: «Да, я чувствую себя анархистом!»

«Крамольные мысли! Очень опасно!» – еще не просыпаясь, спохватился Путятин. Он поднялся и опомнился. С сознанием вины и множества наделанных оплошностей адмирал уселся на мягкой и глубокой постели. Вечером на доски, положенные матросами на тяжелые козлы, японцы настлали в несколько слоев ватные одеяла. Янцис постелил свежее белье и сбил изрядную подушку, запихав свернутое одеяло в наволочку. Витул поставил в ногах у кровати жаровню с углями.

Витул, матрос огромного роста, служивший адмиралу, вошел, постучав и отодвинув раму узкой двери.

– Японка вытопивши баню, Евфимий Васильевич, – пожелав доброго утра, доложил он, – только зонт возьмем.

– Подай халат. А где Янцис?

– Янцис на квартире у бонзы, гладит мундир и брюки. Будет готово вскорости.

Матрос добавил, что Янцис с поваром расположились тут же, у бонзы, и будут стоять под рукой, а что сам он спал у алтаря, под дверью у адмирала. Ночь прошла спокойно. Японцы караулят у ворот, но никаких препятствий никому из наших не чинят и очень почтительны.

«Совсем нехорошо, – подумал Путятин. – Корабль погиб!»

– А Пещуров где?

Матрос ответил, что лейтенант Пещуров о чем-то объяснялся во дворе с японцами и ушел к себе, а мичман Михайлов здесь, на месте.

– Зонт держи, – сказал Путятин.

– У соседей во дворе родниковая вода. Иван ходил туда, а японцы не пустили...

Из узкой комнатки адмирала задняя дверь вела в пристройку, в короткий коридор – там умывальник и отдельная уборная. По этой части японцы, как полагал Евфимий Васильевич, без предрассудков. Ничто человеческое, по их понятиям, не оскверняет храма. В баню надо идти под дождем, через двор со старинными могилами.

Молоденький мичман Михайлов, заслыша в комнате сбоку от алтаря, за бумажной дверью, голос адмирала, подвинул к себе журнал дежурства и чернильницу с тушью. Появился слуга при храме и пошире раскатил две створы широчайших, как ворота, дверей храма, выходящих на передний двор в цветах и декоративных деревьях.

На дощатых ступеньках храма, у переднего входа, под навесом крыши, стояли двое уса-тых часовых в башлыках и полушубках. У шатровых ворот топтались, видно, отсырев за ночь, трое вооруженных самураев под зонтиками, похожих на дам в шелках. Один мал и щупл, как подросток. Мичман Михайлов, как и все офицеры и матросы «Дианы», знал, какую отвагу и смелость выказывают при необходимости эти невзрачные на вид люди.

Михайлов убрал журнал; отянув мундир и тронув кортик и палаш, он с форсом прошелся поперек входа, как по открытой сцене.

Храм стоял под высочайшим отвесом горы, по которому стены камня стояли над лесом и над изломанной скалой в траве и колючках по трещинам. В дожде все мокрое и блестит. На уступах вырос лес. Всюду копны травы висят, как ветхие крыши, и стоят деревья кипарисника в черной хвое.

Вчера Александр Колокольников уверял, что из этого дерева можно строить суда, как из сосны и кедра. Можайский не соглашался, говорил, что не верит. Колокольников уверял, что

всю дорогу наблюдал в деревнях поделки из хиноки, видел балки старинных домов, лодки из кипарисника, служившие долгие годы. Стволы хиноки толстые и древесина хороша.

Можайский, глядя на летающих рыб в заливе, полагал, что человек может построить летательный аппарат, он тщательно срисовывает этих рыб, изучает их плавники, на которых они прыгают или летают по воздуху. Японцы боятся Можайского, находят его страшным, умным, но безобразным.

...Над соломенной крышей храма с большой высоты из тумана и мелкого дождя свисала огромная лесина вершиной вниз.

Вода льет множеством мелких водопадов со скал и сбегает по двору, и струится по вырубленным канавкам. После землетрясения упали обломки скал и деревья. Стволы их распилили на дрова, но японцам, видно, было еще недосуг убрать большие обломки.

Послышался голос адмирала. Евфимий Васильевич с легким паром возвратился к себе, в левую от алтаря узкую комнату. Сегодня в лагере отец Василий будет служить с утра молебен, и адмирал собирается туда.

Пока адмирал читал про себя молитву перед образом – родительским благословением, японец, помогавший Янцису, дважды заглядывал в шелку, стараясь догадаться, можно ли подавать мундир. Он с восторгом смотрел сегодня, как Янцис чистил адмиральскую дорожную одежду из цветной шерсти, как разглаживал плечи, выправлял грудь: это очень понятно, какая мужественность обозначается начищенными, как золото, пуговицами и какая готовность к подвигу и даже к смерти! Пу-ти-а-тин! Всегда все японцы и в Симода, и в Нагасаки неизменно восхищались им, и так, видно, будет навеки! За счастье считалось встретить Путятину на улице. Это очень удивительный человек. Его взор туманен и строг и обращен внутрь себя! Это очень трогательно. Очень правдивый взор, пробуждающий глубокое уважение.

Честный взор всегда что-то обещает, особенно противникам, которым нельзя не пускаться на хитрости по-американски. И если у них учиться, то приходится лгать и хитрить. И привыкаешь...

Пришел Янцис с одеждой. Он в один рост с Витулом. Обряжал Евфимия Васильевича, рассказывал, что привезли на кухню рис и растительное масло, поросенка, кур в решетчатых ящиках, корм в мешках, муку, соль, разную посуду и главное – яйца.

– А молока нет! – сказал Путятин скорбно.

Пришел повар Иван в фартуке, сказал, что завтрак будет японский и готовит японец, как велел Евфимий Васильевич. Иван просил распорядиться об обеде из французских блюд, сказал, что есть живые креветки, также омар и палтусина.

Всю дорогу и по Токайдо, и по горам говорили о деле, как строить шхуну. На каждом привале раскидывали походную чертежную, офицеры трудились, проводя прямые и кривые на александрийских листах, спасенных старшим штурманом Елкиным. Так и двигалась походная чертежная по Японии. Из оторванной и ненужной двери матросы выстругали рубанком чертежную доску и несли с собой.

Из лагеря вернулся Михайлов. У капитана Лесовского все в наилучшем виде и порядке, молебен начнут вовремя. Люди еще уставшие, но совершенно довольные, новых больных нет. Доктор Ковалевский говорит, что у матроса Соболева оперированная нога не только не разбредилась, но, напротив, стала быстрее подживать. Вся команда с утра искупалась в реке, которая протекает через деревню Хэда, вода теплая. Примеру матросов последовал отец Василий Махов, тоже окунался и очень доволен, говорит, псина вся сошла и чувствует себя младенцем. Мыла нет. Мука доставлена еще с вечера, и все жарят лепешки в лагере, жалеют, что нет дрожжей, можно было бы печь подовый хлеб. После завтрака все пойдут на речку стирать белье японским способом, без мыла. Вместо мыла привезли какую-то мазь вроде глины. Японцы ходили с матросами на реку и показывали, как ею стирать.

После молебна и осмотра лагеря адмирал пошел с капитаном Лесовским и частью назначенных в дело офицеров. Он ввел их в главное помещение храма с алтарем и уселся в большое красное кресло священника.

По словам капитана, японцы весь день будут подвозить продовольствие и рыбу. Старший офицер Мусин-Пушкин остался в лагере. Вместе с провиантмейстером, подшкипером и квартирмейстерами он все примет.

– Нам, господа, первыми заводить в Японии хлебопечение и мыловарение, – заговорил Путятин. – Из шестисот человек матросов найдутся мастера на всякое дело. Есть и мыловар, и дрожжедел. И печники...

Стол из досок, длинный, как в кают-компании, накрыт бумажной материей.

Появились вода в чашках, sake, горячая курица, рис, суп, рыба на глубоком блюде, соленая редька, креветки, так же любимые Путятиным, как и Перри, и это очень забавляло японцев, об этом уже все знали.

Дождь закончился. Ветер разогнал рваные облака.

– Вот вам и страна цветов! Холодно и сыро! – входя, сказал барон Шиллинг.

Не склонный к любованию природой, Путятин заметил, что море, которое всегда и всюду одинаково, где бы он ни плавал, здесь не такое, как всюду. Бухта кругла, как выведена по циркулю, земля и горы стеснили ее. Запах моря мягче, чем в других гаванях, словно это пашня, а не море. Водорослями тут, наверное, удобряли земли, и японцы их ели, море было как японская кухня и как сад. Он сказал, что видел сам, как по морю шли волны в две сажени, а в бухте в это время – в полтора фута. Как могут японцы оставлять такую гавань в пренебрежении? Путятин желал японцам заселить страну погуще и намеревался подать советы, как все усовершенствовать и настроить города в более удобных местах.

Солнце высветлило деревенские соломенные крыши. В лагере вразнобой заиграли трубы и слышались голоса унтер-офицеров.

После завтрака Путятин спросил, как обстоит у людей с сапогами и с рабочей одеждой.

– А как быть с чернилами? – спросил мичман Зеленой.

– Тушью, господа, можно писать, – ответил лейтенант Можайский. – Завтрак был королевский...

– Как? Тушью – и в Петербург?

– А что же в Петербург! Даже карандашом. Был бы толк.

«В Петербург!» – подумал Путятин.

Лейтенант Александр Можайский так высок, что кажется, будто он находится все время где-то в более важной – высшей – сфере, чем все остальные, как в облаках или на горе, откуда ему неудобно слишком часто спускаться к своим товарищам. Поэтому его зря не беспокоят, он кажется особенным человеком, выше окружающих не только ростом, но и умом, и нравственно. Даже когда говорит про плотскую любовь, на одну из своих излюбленных тем, то и тогда представляется гораздо чище и нравственней других. Может быть, еще и благодаря необычайной чистоте лица и ясности своих синих глаз. Он серьезен всегда, о чем-то думает, – может быть, о художественных рисунках, или дагерротипах, или о своих изобретениях по механике и химии, о летательных аппаратах, о чертежах, которые он тщательно сберегает. С утра до вечера озабочен, очень рассеян бывает, но простодушен. Вдруг может станцевать, как простолюдин, камаринского под гитару, если сыграет Елкин, руки в боки, и при этом мелко-мелко засеменит огромными ногами.

– Немного терпения, господа! – заговорил Евфимий Васильевич, видя, что сытые и довольные офицеры не прочь побездельничать среди красивой природы. – Господа офицеры, предворяю вас, что мы должны помнить... мы с вами находимся среди чужого народа, прожившего в изоляции два с половиной столетия и совершенно не подготовленного к общению с иностранцами. Наш долг – осторожно положить первый камень в основу этой подготовки

и обеспечить себя всем самым простым и необходимым и дать этому народу возможность ознакомиться с нашей жизнью, с нашим благородством и христианской цивилизацией, передать им наши навыки и приемы мастерства, основы нравственности и любви, наши понятия о гигиене и дисциплине... – Он полагал в душе, что волей судьбы не зря разбит его корабль и он с людьми пришел в глубину глубин японской жизни. – Находясь в таком состоянии, без средств и, казалось бы, будучи обречены... – Голос Евфимия Васильевича дрогнул. Адмирал посмотрел вдоль стола на сидящих рядами офицеров и стих. Глубокий взор его, полный силы, направлен, как часто бывало, куда-то внутрь себя, словно он всматривается в свою душу и вслушивается при этом.

– Перст Всевышнего... указывает нам, что, еще не имея ни товаров, ни средств, ни банков и паровых флотов, мы уже сейчас можем принести пользу, помочь отвергнуть домогательства жадных и корыстных соблазнительей. Судьба дает нам случай... Предопределение, указание на будущее... Любезность японцев, их расположение и гостеприимство не должны слишком обнадеживать. Необходимость действовать заодно с другими известными державами... и прочие неблагоприятные обстоятельства... Мы должны помнить, что ежедневно в течение веков в них воспитывалось враждебное чувство к христианам и христианской религии. На их вежливость полагаться нельзя. Любой наш опрометчивый поступок, любое проявление распущенности, небрежности или – хуже того – какого-либо посягательства со стороны наших людей... или нас самих... нарушение их обычаев и порядков будет немедленно замечено японцами и оценено ими по-своему. Помните, что после двух с половиной веков полной изоляции они... что мы первые в их истории иностранцы, живущие в их стране. Их восторг и удивление, с которыми они нас встречали, не дают нам повода обольщаться. Как известно, закона об отмене изоляции Японии еще нет... Ни в коем случае не вступайте, господа, ни в какое общение с местным населением. Для нас построен лагерь. Это наш дом, и в нем мы вольны делать все, что мы желаем. Мы в нем учимся, отдыхаем, предаемся молитвам. В свободное время приказываю не выпускать людей за пределы лагеря впредь до выработки мной совместно с японскими чиновниками более удобных правил.

– Да чтобы наследства не оставить, господа, – сказал капитан Лесовский, пробегая нешуточным взором по ряду молодых загорелых лиц. Степан Степанович всегда смотрит в корень и в будущее. Он режет прямо. Он видел вчера прелестные личики девушек.

Общее движение началось за столом, как в большом зале.

– Да, да! – грубо подтвердил капитан.

– Уж очень соблазнительны японки, – вдруг мечтательно сказал Елкин.

Грянул общий хохот. Мысль была общая и угадана классически. Адмирал покачал головой.

– Однако, господа, я прошу все это запомнить! – подтвердил он. – Проходя по улицам, не смейте входить в дома... Особое внимание обратите, господа, на то, чтобы не было никаких попыток сближения с местным населением, особенно с женским полом, на что я надеюсь, господа, так как знаю ваши благородные качества и образцовую дисциплину экипажа... Любые отношения не должны переходить границ дозволенного... При всей нашей учтивости и готовности уважать законы Японии все вы обязаны продолжать ежедневные занятия с людьми. И тут никакие запреты японского правительства не будут мной терпимы. Чтобы спасти людей от падения духа, от тяжелой душевной горечи, в которую погрузятся они при виде иной веры, иных обычаев и неизвестной для них жизни, мы должны занимать их, требуя по новому уставу со всей строгостью. Господа, пустырь перед лагерем я потребую разрешить превратить нам в плац для маршировки и ружейных занятий, также для изучения приемов штыкового боя... Вооружите людей кирками и лопатами для расчистки плаца. Сегодня придут баркас и шестерка. Неустанно занимайтесь греблей и парусными учениями. Составить расписание для команд. И занимайтесь по уставу. Для предполагаемой постройки корабля уже сегодня освободить от

строевых занятий всех мастеровых и парусников. Остальных мы будем назначать по мере введения людей в работу особыми приказами и расписанием. В каком состоянии наше оружие, господа? Порох? Фальконет?

Докладывал Лесовский.

Из лагеря пришел старший лейтенант Мусин-Пушкин. Речь сбилась с учебных занятий и перешла на мыло и рис. Прибыла бумага разных сортов, вполне пригодная для чертежей.

Путятин тут же велел Можайскому, Михайлову и Сибирцеву с юнкерами садиться немедленно за чертежи.

Мусин-Пушкин продолжал: халаты даны вместо одеял, нет обуви, рабочей одежды, люди в рванье. Адмирал велел секретарю и адъютантам все записывать.

– Евфимий Васильевич, японские чиновники идут, – доложил Пещуров. – Прибыли Накамура Тамея и Эгава Тародзаймон.

Путятин посмотрел на большие карманные часы.

Выдвинули большое красное храмовое кресло. Адмирал снова сел в него.

Затопали матросские сапоги. Впереди шагал Аввакумов с адмиральским знаменем. Он развернул его тяжелую золотую ткань с черным орлом за спиной Путятина. Двое матросов с ружьями встали по сторонам.

Лесовский спустился по плахам храмовых ступенек встретить секретаря японской правительственной делегации Накамура Тамея и начальника здешней округа Эгава Тародзаймона, явившихся с толпой чиновников.

Здоровяк Накамура с умными маленькими глазками на большом лице, под зонтом, который нес его самурай, в тяжелом халате, как старая барыня в шелковом салопе.

Чиновники стали складывать мокрые зонтики и отдавать суевшимся подданным.

Лейтенант Сибирцев, лейтенант Можайский, поручик Елкин и мичман Зеленой не пошли через сад, а зашагали по кривой улице к храму. Дождь стих, небо расчистилось. Настроение у всех четверых преотличное. Адмирал каждому задал дело на сегодня. Можайскому, Сибирцеву, Михайлову и Зеленому – чертить. Унтер-офицерам и фельдфебелям – заняться с ротами. Елкину – идти на опись бухты на японской лодке.

Офицеры ночевали в старом, но заново отремонтированном доме священника при храме Хонзенди, который от храма Хосенди, где жил адмирал, отделен лишь садом и кладбищем. Для восьми офицеров японцы отгородили восемь отдельных комнат и девятую, просторную – для общих обедов и занятий. Капитан со старшим офицером занимают комнатки по бокам алтаря храма Хонзенди, точно такие же, как Путятин и Пещуров в Хосенди. Оба храма под той же кручей, с которой висят, грозя рухнуть, скалы и деревья, а в дождь льет вода по стенам с вьющимися корнями и лианами.

Офицеры с утра выкупались, денщики привели в порядок их одежду и начистили оружие. Все в наглаженных мундирах с блестящими пуговицами, в киверах, с кортиками и палашами.

Слева – пустырь, справа – садики за изгородями из камня и коричневых досок. Соломенные крыши с навесами над низкими стенами, как нахлобученные шапки. Промытая дождями тучная листва апельсиновых деревьев со спелыми, яркими плодами среди глянцевиной зелени.

Две девушки в кимоно и с зонтиками появились среди улицы, шагая в белых гета на толстых подошвах. Обе с блестящими черными прическами в девичьих наколках и цветах, с огромными бантами за спиной цвета и формы пестрых бабочек. Шли быстро, своей нежной походкой, мелко семена – пятки врозь, носки вместе, как обученные медвежата.

– Мусмешки, господа! – меняясь в лице и приосанившись, пробормотал Можайский. Он быстро ощупал золотые пуговицы на мундире.

– Как все-таки поэтичны их наряды! – мечтательно сказал Сибирцев. Он узнал девушку, что вчера встречала его в толпе, он сразу заметил ее и подумал, что помнил о ней сегодня.

– Помните, господа, что Евфимий Васильевич велел нам оказывать заботу, почтение и внимание... – объявил Зеленой.

– Так и окажем, господа, почтительность! – повелительно сказал Александр Федорович Можайский.

«Какое-то волшебство! Какая нежность лица... Такое утонченное и естественное совершенство!» – размышлял Алексей Николаевич, стараясь не смотреть в лицо понравившейся девушки, чтобы не смутить ее, и немного стыдясь и не желая выдать свое неясное чувство.

Офицеры, выровняв ряд, зашагали твердо в ногу. Приблизившись к девушкам на четыре шага, враз, как по команде, вскинули на них головы в высоких киверах и, как при встрече с командующим, взяли под козырек.

Девушки уже стояли на обочине дороги, уступая путь мужчинам и воинам, не разгибаясь и не подымая глаз в почтительном поклоне.

– Адмирал может быть спокоен! – через некоторое время со вздохом сожаления объявил Можайский.

– Евфимий Васильевич сам разбередил сегодня своими остережениями... Я и не думал! И ничего подобного и в голове не было... – оправдывался Елкин.

– Право, вы очень благородны! – сказал Зеленой.

– Евфимий Васильевич нес какую-то чушь, – отозвался Можайский.

– Я не слушал... но наша цивилизация долго тут не устоит, – молвил мичман.

«В такой глухой деревне – и такие красавицы! – подумал Сибирцев. – Ее первую я увидел еще вчера! Сразу бросилась в глаза... Неужели это имеет значение?» Ему казалось, что это, быть может, предчувствие. Но вчера в его голове не было, кажется, ничего подобного...

Глава 6. Накамура Тамея

Унтер-офицер Аввакумов, стоявший со знаменем за креслом адмирала, видел с высоты своего роста все собрание. Напротив Евфимия Васильевича на особой скамеечке сидел Накамура Тамея. Подле него местный дайкан¹¹ Эгава. Офицеры расположились полукругом, оставляя свободным пространство перед адмиралом, где на коленях стояли переводчики Мориама Эйноскэ и Татноскэ. Дальше все помещение храма занимали сидевшие на полу японские чиновники.

Это совсем не такие японцы, что сопровождали Аввакумова с товарищами в плавании на джонке, – одеты чисто и опрятно, в дорогих шелках, лица у них гладкие, сытые и свежие. Кажется, что это совсем другой народ, и многие не походят на японцев, не походят на мецке Танака и на старшинку Аве или на изможденного Иосиду. Ябадоо когда говорит, то кажется, что скулы у него выдаются еще сильнее, как у изголодавшегося. А тут у адмирала сидят особые японцы, аристократы, не похожие на свой простой народ.

– Вы понимаете, о чем я говорю? – продолжал Путятин. – Прежде всего, господа, – голос его сел, и адмирал хрипло откашлялся, – я должен заметить... за моими людьми была установлена тут слежка... Шпионы ходили за ними... Это неприлично, господа! Какие же дружественные отношения? Люди идут с грузом, а им досаждают с глупейшей бессмыслицей... Вы понимаете? Поэтому предъявляю требование: чтобы больше этого не было! «Дозвольте бить шпионов лопарями, ваше превосходительство, – просили сегодня матросы. – Лепятся за нами, как хвосты. Ничего делать не дают».

Накамура Тамея, как знает Евфимий Васильевич, добрый человек. Сидит, слушает, моргает и молчит. Накамура никогда не лицемерит и не лжет, самому эти порядки не нравятся, да, видно, еще нет у них силы против привычки и обычая. Накамура явно огорчен.

Дайкан округа Эгава отвечал сухо и жестко, что-то, видимо, неблагоприятное, в чиновничьем духе. С японцами никогда заранее не угадаешь по их тону, о чем они говорят. При переводе всегда оказывается что-нибудь другое, не то, что показалось, чего ждешь.

Говорят, что Эгава умнейший человек, гордость Японии. Администратор деятельный, знаменитый художник, инженер-изобретатель. Построил чугуноплавильные печи у себя в селении Нирояма, в горах, льет там пушки, сторонник открытия Японии, широкого образования и перевооружения. Его картины видели в городе Нумадзу в замке, когда шли в Хэда.

Переводчик Мориама Эйноскэ, выслушивая речь Эгава, все поддакивал.

Путятин ждал. «Хитер Мориама! Что-то сейчас выложит...» Глаза переводчика совсем исчезли в морщинках. Кажется, что Мориама ужасно спешит точно перевести, а не торопится, делает вид, что волнуется, боится ошибиться, пожалуй, нарочно тянет, чтобы не диктовали в другой раз, что и как ему сделать, и не предъявляли требований. Продувной, опытный, знает языки, выучил за последние годы английский. Работая с Путятиным в Нагасаки и в Симода, стал как свой за эти годы переговоров. С американцами работал в Синогава, в Урага, знает американского посла Перри, его капитанов, офицеров, переводчиков и корреспондентов не хуже, чем нас.

– Это из дружеских намерений, – объяснил Мориама. – Адмирал отпустил в плавание шесть нижних чинов, и японское правительство отвечало за их сохранность и дисциплину... Морские солдаты, которые были посланы, охранялись, чтобы не было с их стороны ошибки. Поэтому мы можем сообщить, что их поведение образцовое, и глубоко и почтительно благодарим посла адмирала Путятина.

– Но теперь я здесь, и этого чтобы не было.

¹¹ Дайкан – начальник округа.

– Да, – отвечал Эгава.

– У меня есть офицеры свиты, адъютанты и своя охрана, и прошу обо мне также не беспокоиться. Чтобы не было случайностей.

Эгава поблагодарил.

«Вот и пойми их! Ну, да я сказал и повторять не стану!» – полагал Путятин.

– Господа, теперь нам придется говорить о постройке корабля. Но в будущем дела решать можно вдвоем или втроем, и нет надобности для всякого пустяка конгрессы созывать...

Раздался общий почтительный смех японцев.

Эгава сказал, что он хотел бы сегодня, потом представить своих чиновников и объяснить, какие у кого из них обязанности при отношениях японских властей с прибывшими гостями, а также по делам кораблестроения.

«Почему же потом?» – недоумевая, подумал Путятин.

Накамура Тамея сказал, что он сейчас уезжает в город Симода. Он прибыл проститься с послом Путятиным, выразить ему наилучшие пожелания и твердую надежду, что все намерения посла осуществляются.

Накамура Тамея говорил, прижав к груди свои большие руки. Его маленькие глаза ласково смотрели из-под большого выпуклого лба.

«Кажется, я поторопился. Можно было выслушать Накамуру и не предъявлять ему претензии... Впрочем, Накамура умный человек...»

– Вы, Накамура-сан, поймите меня...

– Да, я вполне понимаю вас, посол Путятин.

Капитан Лесовский знал, что секретарь дипломатического посольства, сопровождавший их в походе, должен по прибытии в Хэда возвратиться в город, где живут послы. При храме на этот случай держали наготове взвод вооруженных матросов для почетной церемонии. Степан Степанович послал офицеров с приказанием выставить караул во дворе.

Путятин поднялся. Ему даже хотелось бы обнять, благословить и поцеловать перед разлукой этого заботливого японца, который так много старался для экипажа и офицеров после гибели судна. Адмирал еще раз попросил передать сердечную благодарность и приветы главным послам – Кавадзи и Тсутсую, жившим в ожидании возобновления переговоров в Симода. Кавадзи – умнейший дипломат, один из самых высших чиновников.

– Если будет что-то важное для нас, может быть, приход русского судна, то вы, Накамура-сан, известите меня.

– Будет обязательно так исполнено, – в порыве чувства ответил японец. – В таком случае я сам постараюсь незамедлительно приехать сюда, посол Путятин.

– Зачем же вам беспокоиться?

– Мне всегда очень приятно что-нибудь сделать для вас.

– Я знаю это и благодарю!

Едва Путятин и Накамура переступили порог храма, как лейтенант барон Энквист отдал команду и поднял сверкающий палаш. Звякнули ружья, и шеренга матросов взяла на караул.

Адмирал и Накамура прошли перед строем. У ворот ждали носильщики и многочисленная свита.

Прощаясь, Накамура, как всегда, тихо сказал:

– Теперь, когда вы, посол Путятин, и рыцари-офицеры внесены в правительственный список Эдо Японского государства, вы видите перемены. Ваши требования здесь будут исполняться сразу, так же, как если бы их отдавал высший вельможа Японии. Прошу вас принять мое личное мнение, что постройка шхуны очень важна также для нашего государства.

– Спасибо, Накамура-сан...

– Всем руководит, за все отвечает перед вами Эгава-сама.

Простились за руку, и вскоре каго, поднятое на плечи носильщиками, поплыло вдаль по улице.

Впереди паланкина столичного чиновника пошли самураи, понесли значки на древках.

Глава 7. Список Эдо

– Вы, Татноскэ-сама, любезно рекомендовали нам Эгава-сама как рентмейстера здешней округи, – обращаясь к переводчику, говорил по-голландски барон Шиллинг во время небольшого перерыва в заседании, когда все пили зеленый чай, поданный на маленьких столиках в комнате при храме. Угощение по здешнему способу: от имени адмирала, но в его отсутствие подают служащие японцы. – Мне кажется, – продолжал барон, – что Эгава-чин более имеет влияние на спины населения, чем на земельную ренту.

Как всегда, и японцы и русские старались узнать побольше друг о друге при каждом частном разговоре. Шиллинг потянул в себя со свистом чай.

– Да, да, Ширигу-сама, – отвечал переводчик. – А-о! Вы видели?

– Да, я видел, как хлестали по его приказу рыбаков в Миасима. Да и по дороге, когда Эгава-чин, сидя верхом на коне, сопровождал нас. Все исполняли его распоряжения мгновенно. Видно, что он тут многих вздул...

– Но и к карманам он также имеет отношение, – ехидно усмехнулся переводчик.

– В таком случае это исправник по-нашему, – сказал барон, делая вид, что не замечает намека японца, любившего получать подарки.

– Эгава-сама назначен правительством возглавлять содействие кораблестроению как инженер, – заговорил Татноскэ серьезнее. – Понравится ли вам эта картина? – живо повернулся он, показывая на стену. – Вы знаете, у нас картины вывешиваются на время и меняются по месяцам или временам года.

– Превосходная работа, – сказал Можайский, уже обративший внимание на полотно.

Тушью и белилами изображена Фудзияма.

– Эту картину написал Эгава-сама, – сказал переводчик.

– Да, он отличный художник! Чья же это квартира?

– Это квартира священника, которому принадлежит храм. У нас в каждом храме сохраняются многие драгоценности.

Александр Федорович Можайский поднялся во весь рост, захваченный картиной. Смысл ее показался ему символичным.

В величии сияет снегами гора Фудзи. У подножия ее протянулся отвесный увал, весь в снегу и черных елях, угрожающе склоненных над кручей. Увал – крепостная большая стена, защищающая великую гору. Черные ели – воины, схватившиеся за мечи, готовые обнажить их и кинуться на врагов.

«Эгава, кажется, талантлив и фанатичен, – подумал Можайский. – На вид он скромнен. А сколько силы воображения, каков темперамент! Право, этот народ с большим будущим».

– Дай бог, чтобы наши городничие писали так, – сказал старший офицер, разглаживая чубуком от трубки свои нависшие густые усы.

– Позвольте... Мало ли у нас исправников и чиновников с наклонностями к поэзии и живописи. Только не Фудзияму же они будут писать, – возразил Шиллинг.

– Хотя бы один написал так Ключевскую на Камчатке, – заметил Можайский.

Переводчик мог бы еще многое добавить к односторонним суждениям русского офицера-переводчика и его коллег о достоинствах дайкана Эгава.

В середине полуострова Идзу, за горными хребтами, под дремучими лесами, в уголке цветущей долины расположено селение Нирояма. Там живет Эгава. Нирояма – центр его округи.

В отдалении от села Нирояма, за рисовыми полями и пастбищами, у гор, где беднякам дозволяется собирать сучья и ломать сухую траву для растопки, Эгава построил из камня и кирпича две высочайшие «отражательные» печи, похожие на четырехугольные толстые трубы,

сужающиеся к вершине и поднявшиеся к небу. Эгава добывает в горах руду, в этих печах плавит чугун, а потом льет отличные пушки европейского образца.

Эгава знает по-голландски. Он учит французский и английский.

В его усадьбе решается судьба преступников, сюда приходят за судом и правдой, являются откупщики и свозят налоговый рис, который потом идет на оплату чиновников и войска. В усадьбе Эгава живет и помогает хозяину своими знаниями и советами японец Накахама Мандзиро, много лет проживший в Америке.

В Нирояма коллекция из множества кекейдзику с росписями великих людей и талантов. Эти висячие шелка собраны семьёй поколениями дайканов Эгава, чья должность передается из рода в род.

При доме сады, амбары, конюшни, тюрьма, кутузка для мелких преступников. Сюда подбежали маленькие холмы в тяжелых красных и черных соснах, как олени в ветвистых рогах. Гигантские бамбуки растут по склонам холмиков над соломенными крышами надворных построек. Величественные ворота из кедра, мельница, старые, шербохатые жернова, колодец...

Место столь же прекрасное, как картины самого Эгава. Он создает полотна западного типа и помещает их в рамки. Он пишет японские узкие картины красками на шелку. Он отлично чертит. Он сочиняет мужественные воинственные стихи, гремящие, как водопад, журчащие, как горный поток, и стихи любовные, ласковые, как колышущееся зрелое поле.

Все местные шпионы подчиняются ему и назначаются им, за исключением тех, что следят за самим Эгавой или за Накамура. Но те шпионы другого, высшего класса, «государственные», по классическому китайскому определению.

После перерыва и чая все снова заняли свои места в большом помещении храма с алтарем. Из своей узкой скромной двери вышел адмирал Путятин. Он подошел к столу в сопровождении дайкана, появившегося из такой же двери с другой стороны алтаря.

Не сразу разберешь без привычки, во что одет Эгава. На груди острым углом вниз что-то чистое и белое, как крахмальная сорочка. Полы короткого черного блестящего халата с гербами поверх этой крахмальной белизны стянуты шнурками, как в черных галунах.

Эгава белолиц, в тон своей манишке, как набелен, подобно знатной старухе, или напудрен. У него черная щетина волос над косым лбом, черный завиток волос на высоком и узком бритом темени, длинные, косо посаженные разрезы глаз, какие рисуют у японцев лишь европейские художники и каких в Японии нет почти ни у кого. Косые клочья исчерна-синих волос пущены от висков к скулам и похожи на ножи косаток. Острый длинный нос с горбинкой, как сабля. Вид его фигуры, движения напоминают о чем-то режущем, колющем, сражающемся и казнящем, об остром уме, пылком воображении, решительности и энергии при адском умении терпеть и ждать.

Каждый из чиновников, кого называл Эгава, чуть поднимался на коленях, кланялся адмиралу, стоя на поджатых под себя ногах, как на уроке гимнастики.

Путятин видел, что на этот раз японцы действовали быстро, целый штат чиновников назначен наблюдать и помогать при закладке шхуны. Дело для них новое и нужное. Как нельзя лучше отнеслось японское правительство к просьбе адмирала разрешить построить в Японии новое судно для возвращения с частью команды на родину. Сильней, чем все доводы при переговорах и чем суть письма Министерства иностранных дел, подействовала эта просьба на японцев, пришлась им по сердцу. Вот когда он задел живую струну! После кораблекрушения, едва вышел с командой из деревни Миасима, как уже было получено из столицы согласие на постройку. Пришли в Хэда, а здесь все у них на мази!

«Право, кажется, и с договором дело пойдет теперь на лад. Не бывать бы счастьем, да несчастье помогло. А ведь предугадывал Евфимий Васильевич! Скажи – будут смеяться! Еще осенью в плавание через Японское море, когда шли сюда на парусном фрегате с Амура и ждали

с часу на час встречи с англо-французской паровой эскадрой, – думал Путятин между молитв и учений, – что не может чего-то не произойти такого, чего не ждем ни мы, ни наши противники, а что даст средства и силы нам, поспособствует нашему успеху и победе, что воодушевит нас еще более верой в нашу правоту и справедливость.

Кто бы мог подумать! Но теперь на Бога надейся, да сам не плошай! Дела будет много, и дела разного. Смолы японцы не гонят, канатов таких, как у нас, не вяют. Что такое шпангоут, не знают. Иные обводы у их кораблей. Хлеба не пекут, мыла не варят... Будет ли помниться, что всему мы их обучим?

Да и японцы сейчас не похожи на самих себя, действовали без проволочек и отговорок, не таковы оказались, как за все три года переговоров». Путятин всегда ждал этой перемены. Он видел, что, несмотря на всю уклончивость при переговорах с европейцами, это народ умелый, быстрый и практичный. В Нагасаки вдруг согласились с ним и дали обязательство первый в их истории договор заключить с Россией. Да если и не заключили до сих пор, то лишь из-за войны, мы сами опоздали, американцы заключили первые!

Вот и открылось нам новое лицо Японии. Сколько еще может быть у них этих новых, неведомых нам лиц!

Японским чиновникам на этом собрании нравилось, что послу России подходит красное храмовое кресло из Хосенди и сидит в нем Путятин удобно и важно.

Всем велено быть не только дружественными и оказывать честь и гостеприимство, приказано поступить в распоряжение посла и генерала морских войск Путятина, исполнять все его распоряжения впредь до окончания постройки судна, когда даны будут новые указания правительства. Представляется небывалый случай, как при поимке волшебной птицы.

Деревенские воротилы, произведенные в самурайское достоинство на время постройки судна, после спуска его могут быть уволены в крестьянское, то есть в низшее, сословие, если не отличаются на работе.

Теперь Путятин находится как бы на службе японского правительства. Ему и его офицерам назначено жалованье, которое будет выдаваться рисом. Каждому офицеру, согласно его положению, будет доставлено соответствующее количество мешков с рисом.

А на самих матросов ничего не выписано. Ни единой горсти риса.

В замке Эдо существует правительственный список – генеральная роспись оплаты всех вельмож и чиновников.

В этот так называемый список Эдо внесен Путятин. Ему дается богатое, княжеское содержание. Все пропитание матросов, мастеровых и унтер-офицеров выписано на Путятину, как на богатейшего японского князя и командующего, у которого пятьсот пятьдесят личных слуг и мелких подданных самураев и каждого надо обути, одеть и накормить. Вот на какую необычайную высоту возведен посол Путятин в Японии. Это еще не все – ему дана деревня Хэда и почти тысяча людей. К нему, как подданные в подчинение даймио¹², назначены японские чиновники.

К этому прибавляется власть Путятина в его империи. Он адмирал и генерал-адъютант императора. Он владеет деревнями и тысячами крестьян. Император великой соседней страны послал сам его к нашему императору с покорными просьбами.

У Путятина теперь огромная власть в Японском государстве. Он признан и принят правительством в новой должности. Чиновники чувствуют ответственность его положения и свою при нем. Часть воздаваемого ему почета они как его подданные принимают на свой счет. Путятин теперь как свой, японский генерал и руководитель, при этом великий и знатный вельможа. Случай необыкновенный в Японии, куда доступ иностранцам строжайше воспрещен. Возведение адмирала и посла как бы в сан японского князя с предоставлением прав! Это небывало мудрое решение канцлера – князя Абэ Исе но ками.

¹² Даймио – феодальный князь.

Но следить за ним придется, как следят и за своими князьями, и за самим канцлером, гениальным Абэ. Было бы невежливо тайно не следить за Путятиным, не беречь его и не про- верить, как лучше поддерживать его работу.

Матрос за спиной у адмирала стоял с развернутым знаменем, на котором черным с золо- том выткан двуглавый орел российского императора. Одна голова такого орла повернута, по предположению японцев-ученых, на запад – на Англию и Францию, с которыми сейчас у Рос- сии война сразу во всех морях мира и в Крыму, на маленьком клочке земли. Другая голова орла повернута на восток, – значит, на Японию? Эта вторая голова остается загадкой! Знамя из толстого шелка и очень важно развернуто. Размеры его – в длину три саяку и два сун, об этом будет сообщено правительству. Ни о чем другом пока еще нельзя сообщить важных сведений.

По сторонам знамени Иванов и Берзинь – два белокурых матроса, вооруженных ружьями со штыками и кинжалами; оба высокие, японцам удивительно, как они не задевают киверами потолок. Особенно нравился Янка Берзинь. У него крутой лоб, а нос короткий, но вздернут высоко, так что нос со лбом составляют как бы прямой угол. Глаза круглые, голубые, круглые брови, а усы вздернуты вверх, как и нос, он весь устремлен еще более ввысь и смотрит козырем, и презрение к окружающим вечно выражает его лицо. Иванов стоит, отставив ногу. Как это разрешается по уставу?

Подле адмирала сидит лейтенант Шиллинг, свободно говорящий по-голландски. Японцы знали, что почти все присутствующие тут офицеры знают по-французски и по-немецки, неко- торые по-английски, а может быть, и по-японски, – во всяком случае, заметно было, что ино- гда улавливали смысл речей чиновников, прежде чем переводчики начинали говорить по-гол- ландски.

Русские в свою очередь подозревали, что среди японцев есть знающие по-русски, отлично известно, что всего лишь четыре года тому назад в Симода высажены кораблем «Князь Меншиков» пятеро японцев, унесенных штормом в Россию и проживших много лет с рус- скими. Конечно, служба наблюдения, подслушивания и слежки должна быть установлена подо- зрительными японцами со всей их старательностью. Поживем – увидим!

Эгава не ударил лицом в грязь перед гостями. За его спиной оруженосец, вытянувшись в струнку на коленях, высоко держит самурайский меч дайкана – знак военной силы и благо- родной кары. Вокруг дайкана расположилась целая орда в мундирных халатах, видны за ней и другие мечи. Почти все эти чиновники – полицейские. Вся важность мобилизована с обеих сторон напоказ, и в уважение друг другу, и при этом же – на страх.

Когда приветствия, представления обеих свит и поздравления по случаю благополучного прибытия и встречи закончились, адмирал заявил:

– Теперь, господа, займемся делами!

– Это очень приятно и понятно. Японцы готовы к делу, как всегда! – ответил Эгава-сама.

Матросы подняли ружья. Аввакумов аккуратно свернул знамя. Почетный караул ушел. Путятин отпустил часть офицеров. Ушла японская охрана. Чиновники остались на местах, – видно, каждый мог пригодиться для дела.

– Я вам говорил в Миасима семь дней тому назад, – начал Путятин, – что нам потребу- ются умелые плотники, кузнецы, а потом медники. Мы уже представили вам вытесанные из леса нашими мастерами лекала тех частей корабля, которые понадобятся. Нам также срочно нужен лес, бревна для постройки стапеля, на котором и будет заложен сам корабль. Описание стапеля мы вам представим с перечислением нужных для этого заготовок, с указанием веса и размеров. А где же лес?

– Лес заготавливается в долине за горами. Доставлять лес оттуда очень трудно, – ответил Эгава, – но замедления не произойдет. Лес будет спускаться по реке в море и плотами достав- ляться в бухту Хэда. Часть бревен уже доставлена в Хэда, и просим назначить офицеров для

оценки и приема каждого бревна в счет долга, по которому посол России после войны обязался заплатить золотом.

Путятин велел Пещурову записывать. Для приемки материалов назначалась комиссия из офицеров, боцмана и мастеровых.

– Вокруг деревни на горах строевой лес. Сосны пригодны не только для постройки стапеля, но и для корабля, – сказал капитан.

– Если рубить здесь, на месте, то очень удорожается цена бревен, – пояснил Эгава.

– Но почему же? Мы сами смогли бы в таком случае выбрать и рубить деревья, – заговорил лейтенант Александр Колокольников, которого адмирал представил японцам как заведующего строительством корабля.

– Пустые отговорки! Боятся, что выйдем за пределы деревни! – сказал капитан Лесовский.

Эгава пояснил, что кузнецов еще нет, но они идут в Хэда, придут через два дня.

– А за все материалы, – продолжал адмирал, – после войны русское правительство заплатит золотом. И вы, дайкан, это знаете.

Эгава сделал вид, что сконфузился, но тут же сказал:

– Если посол уверенно говорит, то мы очень благодарим. Мы немедленно готовы начать работу.

– Это хорошо!

– Япония очень бедная страна, – как бы извинился Эгава.

Взор адмирала вышел из туманной дали и уперся в Эгава, щеки вспухли, казалось, дыбом поднялись бакенбарды и волосы на голове.

Эгава поспешил поблагодарить.

– Ну, господа, – беря себя в руки, строго и повелительно оглядывая собрание, продолжал Путятин, – у нас еще нет места под площадку для постройки судна...

Эгава ответил, что готов отправляться на осмотр места. Лодки ждут.

– Лодки или площадка? – спросил Александр Колокольников.

– Площадка должна быть на берегу? – в свою очередь спросил дайкан.

– Да.

– А-а! – разочарованно ответил Эгава. Он, конечно, догадывался теперь, что площадка может быть только на берегу.

По желанию князя Мито, противника немедленного открытия страны, Эгава строил в это самое время второе судно европейского типа, желая доказать, что японцы могут сделать все сами, но строил поодаль от берега моря.

Глава 8. Ота-сан

– Но есть дело не менее важное, чем выбор площадки для постройки корабля, – заявил Путятин, – и оно также должно быть решено сейчас.

Напор Путятина, ко всеобщему удивлению, не ослабевал, а усиливался, хотя уже минуло обеденное время и все стали уставать, а посол еще только входил в дело.

Все японцы замерли. Не шелохнутся их мечи, шелка и бумаги.

Путятин помолчал. Лицо его обмякло, он повел носом, поморщился. Посол, конечно, добрый и очень хороший человек, но ведет себя как уже старый, уверенный в себе чиновник. Нос его, толстый, казался добрым, и, вероятно, ему хотелось такой толстый нос почесать, что сейчас было бы неприличным.

– Объясните, Александр Александрович, – обратился адмирал к Колокольцову.

Все видели, что у адмирала очень хорошие офицеры. Высокие, тонкие и очень сильные. Эти люди как самурайские сабли. От мецке сообщения прибывали регулярно, когда все эти помощники адмирала умело и храбро несколько дней боролись с волнами во время гибели «Дианы». Знали Сибирцева. Он входил вчера во главе войска в Хэда. Знали Ширигу-сама, переводчика. Еще есть Сюрюкети-сама, черный, как японец, очень похожий на японца. Еще сенсэ – капитан. Пешуров – красивый племянник адмирала и его приближенный адъютант. Молодой Елкин с белыми волосами, как совсем седой, – он снимает карту. Наконец, сегодня всеобщее внимание адмирал обратил на Колокольцова. Высокий, тонкий, гибкий, глаза смотрят не просто, а очень требовательно и воинственно. Молодой и чувствует за собой покровительство посла, не скрывает этого. Такие молодые чиновники у японцев есть в высшем правительстве из числа обнаруживших при экзамене гениальные способности. С такими же глазами, обещающими решение всех задач. Их после экзамена сразу назначают на необыкновенную должность. Конечно, гений не признается, если нет знатных родственников или покровителя. Словом, если за гения не хлопчут. Таким гением в современной Японии является канцлер, глава правительства бакуфу Абэ Исе но ками, воевода Исе. Ему исполнилось тридцать семь лет. На неподвижной должности, где важность обязательна, он ужасно разжирел и теперь может умереть. Колокольцов моложе Абэ, крепкий, как железный прут, совсем без жира, шея высокая, скулы похожи на японские, но славянские глаза под темными бровями.

– Прежде чем строить корабль, – заговорил лейтенант, разворачивая перед собой александрийский лист, на котором была изображена путаница из продольных и поперечных зарисовок частей шхуны с массой ребер и балок, словно у скелета кита или морской коровы, – нам нужно большое помещение, просторный дом, или хороший, светлый сарай, или храм для такого же, но большего чертежа, который будет в размер строящегося корабля. На чертеже будет показан весь корабль в натуральный размер со всеми частями.

Переводчик Хори Татноскэ добавил, что это та основа, тот план, без которого в европейской цивилизации не обходится ни одно дело.

Теперь понятно, почему назначен Колокольцов. У него тон учителя китайских иероглифов. Такой сорт людей известен. Это ученые, они любят показать превосходство над практиками, они есть при каждом деле и в Японии. Они все начинают с бумаги и не признают того, что не записано или не зарисовано. Очень молодой, но ученый.

Очень приятно, что многое оказывается совершенно одинаково у соседних народов. Хотя, кажется, Конфуций учил, что умный человек не может быть ученым, а ученый человек не может быть умным.

Японцы посоветовались между собой, и Эгава ответил, что все храмы заняты под жилье морских офицеров. Также под квартиры помогающих чиновников. Есть только один свободный храм, одиннадцатый по счету, новый, находится за большой рекой, почти в лесу.

Колокольцов взял еще один из чертежей, поменьше, и, развернув, показывал с рук.

– Так следует вычертить все части судна... Это...

– О-о! О-о! – прокатилось по рядам чиновников, и тут же все дружно рассмеялись, видя, что эбису пользуется палочкой для еды как указкой.

– Чертеж судна со всеми его частями должен быть в натуральную величину, не меньше и не больше. Это особенность европейского судостроения. Нельзя строить корабль, не имея плаза с чертежами и не имея чертежной. Она должна находиться вблизи работ, а не в лесу или за рекой. Мастера и плотники должны сверять размеры обрабатываемых ими частей с чертежами в натуральную величину. Присутствуют ли здесь мастера-плотники? – спросил Колокольцов.

– Да. Семь старших плотничьих артелей имеются.

– Где они?

Поднялся Ябадоо, а за ним в отдалении приподнимались японцы попроще, без отметок на халатах.

– Пусть пересядут поближе. Переведите им, Татноскэ, что сказал лейтенант, – приказал переводчику барон Шиллинг. – Да пусть потеснятся господа чиновники.

Эгава кивал головой. Дело очень интересное, но сложное. Как тут быть, сразу нельзя ответить. Ум Эгава остер, как плавники косатки, как ключья черных волос на висках самого Эгава.

– Плотник, – объяснял Колокольцов артельным старостам, – он может для точности посмотреть и сверить точные размеры с чертежом... А у вас тут, как и в Симода, подпирают судно пнями или чурками или привязывают его к деревьям.

Чиновники засмеялись, услышав такое правильное рассуждение о японских судостроителях, а плотники, все в опрятных халатах, молчали.

– А как у вас? – вдруг спросил по-русски сидевший сзади молодой японец.

– Потом все увидите, – ответил Колокольцов.

Попросил позволения поговорить Ота, временно возведенный в самурайское достоинство. Судовладелец и подрядчик, он назначен на службу как заведующий судостроительством русского корабля в деревне Хэда.

Эгава разрешил.

Ота-сан, худой и бледнолицый человек с длинным прямым носом и узким лицом, похож на эбису. Ота как-то учуял, что послу Путятину приятно, если с ним говорят стоя или хотя бы приподнимаются. Ота, видимо, еще не желал, чтобы посол увидел его сухую фигуру во весь рост.

– Такого большого помещения у нас нет, – почтительно сказал Ота.

Ябадоо злорадно заворочал глазами, сверля постное и почтительное лицо Ота. Что же он лезет? Высочка! Ота, купец с тугой мощной, привык откупаться, совершенно не думает о страхе и общей чести и ответственности и о том, что неприлично так вести себя.

– Но я могу предложить для посла и его больших европейских чертежей помещение в размер корабля и прошу посла и генерала флота пойти и осмотреть лично.

Ябадоо как громом поразило. Он рот раскрыл от удивления. Какой карьерист!

Эгава тоже не ждал ничего подобного. А ведь действительно Ота построил новый дом для своей семьи по разрешению властей. Теперь он всех выгонит вместе с няньками и ребятами.

Путятин ответил, что благодарит, и спросил, когда можно посмотреть.

Прямой разговор с послом императора! Чудесно! Постное, почтительное лицо Ота не менялось.

– Пожалуйста, посмотрите сегодня.

– Ота-сан, вас посол просит подойти поближе, – сказал Татноскэ.

Сейчас хорошо видно, как высок и строен Ота. На побритой голове над серединой лба черная щетина на месте буйного гребня. А лоб высокий и крутой. Все признаки породы! Высокий лоб и длинный нос придавали его длинному, тяжелому лицу выражение глубокой задумчивости.

Большими шагами и не сгибаясь, как природный эбису, Ота вышел из-за рядов чиновников, сидевших на своих поджатых ногах, как на стульях. Ота-сан поклонился послу. Чуть помедлив, как бы неуверенный, что он нужен, встал на колени.

– Какая же длина корабля? – спросил Ота-сан. – И какое потребуется помещение?

Ота уже сообразил, что с европейскими вельможами не надо говорить через чиновников, у них обращаются прямо к кому есть дело.

Все русские обратили внимание на необычайно высокий рост Ота. Татноскэ перевел ответ Колокольцова:

– Длина семьдесят семь футов... Ширина две с половиной сажени...

Железный Прут, как Ябадоо прозвал Колокольцова, вскинул свои жесткие глаза и быстро заговорил, называя по-японски «сун» и «сяку». Не сгибаясь и не опускаясь на циновку, стоя занимался наукой на память, в уме все подсчитал и объяснил размеры в японских мерах. Это что-то необыкновенное и опасное! Кажется, эбису подготовились. Они знали про Японию больше, чем позволяет.

Эгава замечал, что в новой роли самурая Ота-сан, кажется, быстро освоился. Правительство знает, что делает. Простому человеку нельзя разговаривать с послом и даже с офицерами нельзя, как с высшим дворянством. Поэтому Ота для удобства дела, по совету Эгава, произведен мудрым бакуфу в чин. Считается, что когда судно построится, с Ота не снимут этот голубоватый халат с гербами на груди.

Ота осмелел и смотрел прямо на лицо Путятин. Он попросил повторить, какая длина корабля и какой размер большого чертежа.

Колокольцов сказал, что помещение должно быть просторным. Он вынул из кармана складную сажень, на другой стороне которой нанесены английские футы и дюймы, и примерно показал в дюймах японские сяку.

– Помещение совершенно подойдет, – сказал Ота.

«Ота вырчил Японию!» – подумал Эгава.

«Русские будут в доме Ота! – подумал Ябадоо. – Это унижительно! Вскочка! Перегоняет меня, столбового самурая, как считает княжество Кисю!»

Ябадоо набрался решимости и тоже попросил позволения поговорить.

– У меня уже пришли бревна для корабля, и все готово. Я прошу принять все материалы, а также отметить длину и ширину каждого бревна.

«Я живу совсем рядом с храмами Хосенди и Хонзенди, где размещается адмирал и офицеры его посольства и корабля. Эбису говорят со мной прямо, без переводчиков! И все же я самурай!»

Адмирал пригляделся к Ябадоо. Этот, кажется, вылез некстати. Путятину стало жаль захолустного дворянина, он поблагодарил, проникаясь к нему добрым чувством, чем-то вроде симпатии к знакомому характеру.

– Ну, так, благословясь, господа, за дело! – сказал Путятин. – Вызовите сейчас же Можайского и Сибирцева, пусть оставят свое черчение.

«Пока я работал, – полагал Ябадоо, – Ота размещал по квартирам чиновников, а его приказчики принимали прибывшие морем товары. Конечно, предок Ота не был настоящим японцем. Он принесен в нашу страну морем, и Ота всегда любит об этом упомянуть. Он сообщает очень быстро. Но я, совершенно не торопясь, так же все успеваю. И я ни за что ему не уступлю! Хотя его род живет в нашей стране триста сорок первый год, как он считает, но не

является японским. Японцы так нахально никогда не поступают. Я докажу, что гораздо больше могу сделать пользы, чем он, во всех отношениях и не считаю самого Ота японцем...»

– Новый дом построен мной один год и один месяц тому назад, – объяснил адмиралу Ота-сан.

Эгава вспомнил, как Ота-сан хлопотал о разрешении выйти при постройке за дозволенные законом нормы. По особому разрешению властей очень крупным дельцам и судовладельцам как личностям полезным все разрешают. Ота живет в деревне. А торгует в огромном городе Осака, на Внутреннем море. И в столице Эдо. Он возит соль на собственных судах из Внутреннего моря в Эдо, вокруг гористого полуострова Идзу. У него на паях есть гостиница в торговом городе Симода, на морском пути между Эдо и Осака, для своих моряков, чтобы их заработки не уходили зря.

– Идемте, господа. Довольно сидеть в духоте. Посмотрим дом для плаза, – сказал Путятин офицерам. – Потом выбирать место для стапеля. На сегодня довольно, пошли на свежий воздух. Пора за дело. Эгава-чин, хватит пустых разговоров.

«А обед?» – хотел было спросить Сибирцев.

– Я послал домой, чтобы немедленно вынесли все вещи, – сказал Ота. – Все будет вам предоставлено, ваше превосходительство посол.

– Совсем не надо выносить вещи. Я знаю, что у вас комнаты разгораживаются и стены можно убрать. Вы успеете это сделать и после нашего осмотра.

«Впрочем, еще, может быть, помещение послу не подойдет?» – подумал Ябадоо. Он отпустил плотников на обед, а сам в хвосте у толпы пыжившихся на улице чиновников пошагал к дому Ота.

Вдали от храмов, раздвинув гущу лачуг, за каменной оградой стоял сад с небольшими еще, молодыми деревьями и длинный дом под соломенной высокой крышей. Только одно старое дерево кусуноки росло среди двора. Работники и домашние, привыкшие к простой работе, уже убрали часть вещей из дома Ота, когда Путятин ступил на порог. Разгораживались последние стены, выносились обитые бумагой складные вставки, похожие на ширмы, и вместо многих комнат образовалось просторное помещение с линиями пыли в просветах между циновок на местах убраных стен. Татами – циновки из рисовой соломы – еще не были убраны, а на стенах висели длинные шелковые картины.

– Мне кажется, что помещение не очень удобное, – сорвалось с языка Сибирцева, который был голоден и зол. – Безусловно, в натуральную величину чертеж не уложится.

– Конечно, одиннадцать сажен здесь не будет, – сказал Колокольцов. Он вынул из кармана и развернул свою желтую складную сажень и зашагал вдоль стены.

– Эко вы захотели! Это вам не Адмиралтейский завод! – пробурчал капитан, которому не очень нравилась важность молодых людей с инженерными познаниями.

– Да, именно, не Адмиралтейский и не Плимутский док, – как бы согласился Колокольцов. – Придется строить отдельно под крышей.

– Еще нет площадки, какой вам док!

Колокольцов еще раз прошел вдоль длинными шагами, ловко перебрасывая по стене сажень.

– Конечно, господа... Но потеснимся! – сказал он. «Можно будет переменять чертежи и обойтись!» – полагал адмирал.

«Но какое же это помещение...» – хотел подать мнение Сибирцев. Он тоже вынул свой складной фут и пошел по стене.

– Сколько, по-вашему? – спросил Колокольцов и с уверенным видом сложил свою сажень и спрятал в карман.

– Ведь нельзя же, господа, все чертежи так уложить, что ступить негде будет...

– Надо ступать не в сапогах, – сказал Путятин.

- Конечно, не в сапогах!
- Заведите себе японские туфли!
- Да и можно потесниться.
- И будем ступать осторожно, как ходят и у нас в чертежных, и на плазах, – подтвердил

Колокольцов.

Тут Ота-сан подошел и стал кланяться Путятину. В комнате появились юные девушки в темных кимоно, все хорошенькие, как на подбор, и стали вносить маленькие столики.

Эгава был неподкупен и старателен. Но как можно не уважать Ота-сан, когда так вовремя и такие вкусные кушанья! Умеет подать и угостить, когда все проголодались. Адмирал, наверно, не дал бы передохнуть никому до самой ночи! Ну как тут не разрешить построить дом чрезвычайного размера?! Человеку, который всех радует, все можно позволить.

Намереваясь что-то доказывать дайкану, раскрыл было рот Сибирцев, но тут вошла немолодая женщина, но свежая и красивая, с большой прической, в опрятном и богатом халате. За ней появилась знакомая юная, тонкая, высокая японка в кимоно, затканном красными цветами. Ее он увидел, входя в Хэда. Сегодня на улице отдал ей честь. Пожилая опустила с полным подносом перед дайканом. Одновременно молоденькая стала на колени около адмирала, подвинув свой поднос с горячими кушаньями и саке на его лакированный столик. И она поклонилась.

– Дочь господина Ота, – пояснил переводчик.

– Так что вы хотели сказать против этого помещения, Алексей Николаевич? – спросил капитан, уверенно беря палочками кусок сырой рыбы и макая ее в темный соус.

– Я... Я хотел... Впрочем, несмотря на все недостатки, конечно, лучшего места... кажется... найти и невозможно! – меняясь в лице, пробормотал Сибирцев. Он пожал плечами, как бы недоумевая, как мог поддаться влиянию первого, необдуманного впечатления.

Все вразной согласались, уже никто никого не слушая, все налегали на вкусную и обильную еду, запивая нежным и приятным вином.

– Монашеские замашки адмирала наткнулись наконец на гостеприимство и небывалую щедрость, – шепнул Шиллинг сидевшему рядом Можайскому, который и ел, и набрасывал в альбом девичью головку.

За перегородкой почтенный Ота-сан, сдерживая недовольство, тихо сказал вошедшей упрямой дочери:

– Я тебе говорю еще раз – сними туфли и выйди к западным гостям босая. Так принято в Америке! Так выходили дочери самураев на приеме американцев в Синогава, когда подавали еду и саке. Это по приказу нашего правительства, изучившего вкусы Америки.

«Это неприлично!» – могла бы ответить Оюки. Она понимала лучше отца, как надо себя сейчас вести и как надо выглядеть. Оюки не послушалась и снова вышла к гостям в гета и носках.

– Вы японский язык учите с Гошкевичем? – спрашивал адмирал у Сибирцева. – Что-нибудь помните? Пригодилось вам?

– Да, я учил по вашему приказанию. Немного. Но сейчас даже это принесет мне практическую пользу.

Подавались раки, устрицы, множество ракушек в раковинах, похожих на чашки правильной формы или на широкие горчишницы с крышкой. Живая, сырая и вареная рыба. Саке в кувшинчиках.

– А вот вы ничего не подготовили как следует! – резко заявил адмирал, обращаясь к Эгава.

Дайкан вежливо поклонился, видя во вспышке досады Путятину внимание.

Можайский попросил переводчика подозвать дочь хозяина.

– Оюки-сан! – ласково сказал Можайский, показывая пальцем на ее портрет в альбоме, а потом взглянул на девушку.

Девушка просияла, но взглянула не на Можайского, а на Алексея Николаевича, как бы желая сказать: «Посмотрите и вы, какая я!»

Сибирцев с удивлением замечал, что здесь она держится совсем свободно, как европейская девушка, получившая хорошее воспитание.

– Как прекрасно выглядит изображение Оюки на картине вашего художника, многоуважаемый посол Путятин! – говорил Эгава.

– Голова закружилась после такого обеда, – восторженно молвил мичман Михайлов, когда все офицеры вышли в сад и закурили в ожидании адмирала, задержавшегося с хозяином. Следовало отправляться на осмотр площадки, которую японцы предлагали для постройки стапеля.

– Как они на колени искусно опускаются с подносом!

– Кто же это такие были? – спросил вдруг старшин офицер Мусин-Пушкин.

– Переводчик Татноскэ говорит, что это дочери самого Ота-сан, – пояснил Шиллинг. – Дочери и их подруги.

– Какой букет экзотических цветов! – заявил старший офицер и глубоко затянулся табачным дымом.

– Мне кажется, что дочь Ота только одна, – отозвался Сибирцев.

– Мисс Ота!

– А вы не идете с нами, Сибирцев?

– Поздравляю, Алексей Николаевич! До начала постройки стапеля адмирал отдал приказ назначить вас для подготовки чертежной, – выходя из дома, сказал адъютант Пещуров.

– Вот и будет у вас возможность познакомиться с мисс Ота поближе, – с оттенком зависти усмехнулся Михайлов.

«Мисс Ота! Мы с вами почти знакомы!.. Глаза у вас прекрасны!» – подумал Сибирцев и сказал в приливе хорошего настроения:

– Я также иду с вами, господа, на выбор площадки! Приказал капитан. Тем временем в доме приберутся...

Появился адмирал с японцами, и все вместе, офицеры и чиновники, толпой отправились за ворота.

Глава 9. Споры и отношения

Утром похолодало, и опять прошел дождь. На берегу, у сарая, неподалеку от усадьбы Ябадоо, офицеры и чиновники собрались для приемки леса.

– Суги, – пояснил Ябадоо.

– Суги – кедр, – не дожидаясь, когда переведут Татноскэ и Шиллинг, сказал Колокольцов. – Показывай дальше... Мацу¹³?

– Хи-хи... Мацу! Акамацу¹⁴, – угодливо, но с оттенком настороженности отвечал Ябадоо. – Ий дес¹⁵. Длина два дё¹⁶, пять сяку¹⁷. Ширина восемь сун¹⁸. Толщина два сун. Как заказывал адмирал для водяных рамок.

Над доской Колокольцов задержался, взял топорик у матроса и слегка постучал.

– В доске трещина!

Ябадоо выслушал перевод, и лицо его мгновенно сменило выражение почтительности на оскорбленность и гнев и сразу же опять стало смеющимся и угодливым.

– Пожалуйста, посмотрите со всех сторон.

Японцы-рабочие перевернули доску.

– Цена?

– Четыре бу, семь рин и шесть мо...

– Дальше. – Сосна. Цельное дерево. Длина два дё, пять сяку.

Толщина пять сун. Крепкая. Цена восемь бу, три рин и три мо.

– По размерам красная цена ей четыре бу, а не восемь! – отвечал Колокольцов. – И это не мацу. Это хиноки – кипарисник. Вот мацу! – показал он на соседнее бревно. – Мацу – сосна! Вот черная мацу, вот красная мацу. Вы строите свои суда из хиноки. Мы испытаем дерево хиноки.

Колокольцов углем ставил знаки на бревнах и брусках.

– Круглая сосна. Длина пять дё, четыре сяку и пять сун, – продолжал Ябадоо. – В начале окружность шесть сяку и девять сун. В конце – два сяку и девять сун. Цена два хон четыре бу пять рин и два мо.

– Мо – это медяшка с дыркой? Их в бу чуть ли не две тысячи?

Услыхав такой ответ, Ябадоо порадовался. Он любил точность. Да, у нас с точностью до мо все считается. Мы не такие широкодушные, чтобы пренебрегать хотя бы единым медным мо.

– Татноскэ-сан, – обратился Колокольцов к переводчику, – хон – это золотой слиток?

– Нет. Хон – серебряный слиток. Золотой слиток, из китайского яркого золота, называется чан-кин.

Ябадоо повернулся к сосновой доске и стал уверять, что нет трещины.

– Я знаю, что говорю. Скажите ему, барон, что он дурак.

Шиллинг никогда не стеснялся выказать неуважение кому бы то ни было, если надо для дела. Он в самом деле все точно перевел, и Татноскэ с видимым удовольствием перевел в свою очередь.

Глава хэдских рыбаков спокойно поклонился.

¹³ Мацу – сосна.

¹⁴ Акамацу – красная сосна.

¹⁵ Ий дес – хорошая.

¹⁶ Дё – 3,03 метра (японская мера длины).

¹⁷ Сяку – 30,3 сантиметра.

¹⁸ Сун – 3,03 сантиметра.

– Спасибо. Благодарю за такие слова.

– Дальше. Что за треугольный брус?

– Сосна. Ширина семь сун, но в средней части ширина один сяку и шесть сун. По заказу адмирала таких две штуки.

– Икура дес-ка?¹⁹

– О-о! – Ябадоо вытянул дряблое лицо. Он как бы опасался теперь назвать цену.

На другой день, когда Колокольников с переводчиком и Ябадоо явились в храм Хосенди, адмирал с всклокоченными волосами сидел за столом над вычерченными картами. Рядом с ним красный как рак штурманский поручик Елкин. Площадка, которую накануне показали японцы, негодна.

– Японцы лупят с нас бешеные деньги за каждую поделку и за любое бревно, – заговорил Колокольников.

Вызвали Эгава – дайкана, усадили за большой стол и подали чай. Чин со свистом потянул горячую жидкость.

– Переведите ему, барон, – велел Путятин.

Эгава выслушал.

– Еще надо оплатить стоимость перевозки деревьев – пять хон четыре бу и шесть рин, – ответил дайкан.

– И сколько мо? – осведомился Колокольников, зная, что мо – это примерно четверть гроша.

– Ни одного мо. – Эгава сделал вид, что не чувствует насмешки.

– Они с ума сошли! – заговорил Мусин-Пушкин, сидевший за шканечным журналом на дальнем конце стола. Он захлопнул черную тетрадь. – Прошу Эгава-чиг принять мое заявление. Вокруг лес на горах. Рубщики у нас есть.

Эгава сморщил лоб и поднял брови, словно его осенило, он как бы только сейчас все сообразил.

– Мои матросы будут рубить сами, – сказал Путятин, – но поставка бревен силами ваших рабочих и обработка должны продолжаться. Откуда вы доставляете лес, если он так дорого нам обходится?

Эгава не имел права отвечать. Лес растет в глубине страны. Все, что находится на расстоянии семи ри от места пребывания эбису, строго сохраняется в секрете. Накахама Мандзиро, приехавший из Америки, объяснял Эгава, как это глупо. Иностранцы видят плохое вооружение японских воинов, а мы скрываем от них сосны и овраги в лесу. Но как же им объяснить тогда высокую стоимость материалов? Получается, что мы нечестно берем лишнее с потерпевших крушение. Это не по-рыцарски. Государство – не осакский рынок, где с каждого дерут.

Эгава объяснил, что по берегу моря растет хороший лес на горах. Адмирал прав. Гораздо лучший лес растет в долине, за горами, его приходится рубить, вытаскивать к реке, сплавливать до моря, по морю гнать бревна в Хэда и вытаскивать на плотбище, где вчера был адмирал. Там адмирал видел работающих плотников, выполняющих заказы России. Бревна и поделки из этого леса сегодня принимали Колокольников-сан и Ширигу-сан.

– Ну? – спросил адмирал у Елкина. – Что вы придумали?

– Все то же! – отвечал Елкин.

– Где площадка?

– Аввакумов уверял вас, что удобного места нет, надо вырубать площадку в горе или уходить. Вот карта бухты Хэда. Я лично, осмотрев все берега, заявляю, что без больших земляных работ удобной площадки не расчистим.

– Что вы меня пугаете? Я ничего не боюсь. У меня полтысячи матросов, возьмут лопаты...

¹⁹ Сколько стоит?

– Я говорю, Евфимий Васильевич! А вы сказали, что Аввакумов лодырь, хотя и хороший плотник, и что надо было послать заранее офицера. Вот вся бухта перед вами, я говорю, что место есть, не такое, как они вчера показали, а укрытое за скалами в глубине ущелья, но...

– Я не хочу тут им больше ничего строить! – воскликнул адмирал. – Им надо больше, чем нам, а что они? Эгава бровью не ведет! Все жилы выматывает. Они ничего не приготовили! Если бы не Ота-сан, мы бы голодом сидели.

– Они боятся не угодить вам, Евфимий Васильевич, – сказал Мусин-Пушкин. – Из вежливости предложили такое место, чтобы от квартиры вам недалеко ходить.

– Глупости! Это место открытое, каждому с моря будет видно, что строится корабль!

– У них отменные плотники, – напомнил о своем Колокольников. – Работают аккуратно, заказы выполнили раньше срока. У них заготовка для киля обработана. Я предлагаю принять все по назначенным ценам условно.

Ябадоо, стоявший у двери и не разумеющий по-русски, догадался, о чем речь, и стал усиленно кланяться, как бы прося обратить на себя внимание.

– Где ваша площадка? – опять обратился адмирал к Елкину.

– Та же самая.

– Где?

– Вот тут.

– Как место называется?

– Усигахора.

– Господа! Я же вчера говорил им! А они показали место, где сами строят джонки. Я посмотрел через бухту и сказал, что надо строить на другой стороне. Мне показалось, что за бухтой должна быть удобная площадка.

Подозвали Ябадоо и усадили за горячий чай.

– Пошлите в чертежную, – велел Путятин адъютанту. – Вызовите ко мне Сибирцева.

Адмирал обратился к Ябадоо:

– Как ты думаешь? Ты как здешний человек...

Ябадоо с важным видом наклонился к карте и сделал вид, что размышляет и еще не может ничего решить.

Эгава подумал, что время идет, строится нелепый корабль, князь Мито уверен, что освоена европейская техника, которую он никогда не видел. Но там у Эгава кипит работа. А здесь еще не начинали. Нам все могут запретить, если затянем. Позор и крушение надежд! Если затянем, то и не позволят работать. Надо скорей начать, чтобы уже поздно было нам запрещать...

Застучали энергичные, звонкие шаги, и в храм вошел Сибирцев.

– Честь имею явиться, ваше превосходительство!

– Что с чертежной?

– Приступили к большому чертежу. Бумага нам, по распоряжению Эгава-чин, доставлена самая лучшая, нескольких сортов. Тушь, кисти, линейки. Часть инструментов делают наши матросы. Чертежные доски. Японцы помогают, и многие уже делают все сами. Господа офицеры и юнкера учатся владеть кистями... Нам прислан ученый-японец, математик, для точного перевода футов в японские меры.

– Кто его прислал?

– Ота-сан.

– Годно ли помещение?

– Вполне пригодно. Отличное.

– Не мало?

«Он такой довольный и счастливый, – подумал Путятин. – А уверял, что помещение мало!»

– Что вы такой довольный, Алексей Николаевич? – с раздражением спросил адмирал.

– Я? Нет, почему же... Напротив, Евфимий Васильевич, я ужасно озабочен и изо всех сил стараюсь сделать все возможное и удержаться... А чертежи втиснем...

– Вам с японским математиком надо познакомиться. Как у вас с языком?

– Я сейчас все время занимаюсь.

– Как же вы занимаетесь без учебника и без преподавателя? Разве это возможно? С кем?

– С японцами!

– В семье Ота, – пояснил Колокольников, желая подать Леше разумную мысль.

– А-а... – удовлетворенно произнес адмирал.

Ябадоо, слыша, что повторяется имя Ота, сидел, как на горячих углях. У Эгава тоска во взоре.

– Да и у самого Ота-сан. Я пользуюсь всяким случаем, чтобы изучать новые слова.

«Что он так сияет?» – снова подумал Путятин.

– И быстро идет?

– Да нет еще...

– Смотрите, господа, – рассердился Евфимий Васильевич, – теперь при работе и общении с японцами вы сближаетесь невольно, входите в их дома, знакомитесь с семьями. Не только за матросами, но и за офицерами смотрите, Алексей Николаевич, за юнкерами особенно!

На этот раз никто не засмеялся.

– Слушаюсь, Евфимий Васильевич, – покорно ответил Сибирцев.

– А теперь, господа, на осмотр места для площадки! Живо! Эгава-чин... Ябадоо-сан... пожалуйста с нами. Лодки чтобы были. Алексей Николаевич, оставьте за себя Карандашова, вы мне будете нужны...

– А как же обед, Евфимий Васильевич? – спросил осмелевший Витул, давно дожидавшийся в дверях.

– Да, пожалуй, надо пообедать... В три часа сбор на пристани, господа.

Евфимий Васильевич просил Эгава остаться, но японец поблагодарил, сказал, что срочные дела постарается исполнить к трем часам, надо все приготовить. Японские подрядчики, старосты, десятники ждут. Ждут полицейские и чиновники. Масса дел. Можно задохнуться. Эгава-чин ушел с хвостом своих подручных, в том числе и шпионивших за ним.

Он чувствовал, что невероятные доносы уже пишутся. Чего только не наплетут! Самые страшные обвинения без подписей подкинуты будут и в замок князя Мито! Говорят, что секта Ничирен из храма Сиба в столице хочет послать своих монахов на дороги, ведущие в Хэда. Странное намерение! Очень опасно. Храм Сиба – пристанище шарлатанов, вымогателей. Туда богатые люди сбывают опостылевших жен под видом сошедших с ума, как бы для излечения. Монахи, считающиеся врачами, содержат женщин в клетках, избивают их и губят. Такие сведения о происках секты Ничирен доставил Танака, назначенный одним из старших мецке при постройке корабля, которая еще не начиналась и площадки для которой еще нет, но штаты полиции уже полные.

Ябадоо сидел у дайкана, который квартировал в храме за рекой. Сжавшись от душевного и физического напряжения, самурай излагал свой взгляд на происходящее. Посол Путятин недоволен, он не согласен строить корабль на предложенном вчера месте и грозит жаловаться японскому правительству. При таких обстоятельствах неизвестно, что произойдет. Подрядчик Ота желал бы производить постройку корабля на своей земле, но это, как полагал Ябадоо, очень неудобно. Возможно, что ужасная смута сеется подрядчиком Ота. Вполне достаточно, если чертежная находится в его доме, гнездо для корабля должно находиться на другом месте и на земле совершенно другого хозяина. Такое основание – принцип справедливости.

Как всегда, Ябадоо прав, но бессилён. Где этот другой участок?

– Около моего дома, где принимали лес. Я согласен снести амбар и сад. И даже дом! Уйти жить с семьей в лес для славы и процветания Японии.

Это ярко и пышно сказано!

Участок из-под дома совершенно не подойдет. Нужен участок у воды, а не у горы.

Дайкан послал на пристань Ябадоо проверить, приготовлены ли лодки, чтобы везти посла на Усигахора, и все ли там прилично. Самурай вышел быстрым ходом в сопровождении полицейских. Ноги плохо слушались, что-то ступать больно...

...Дайкан сегодня утром писал под дождь. Он сообщал в город Симода, уполномоченным бакуфу, о переговорах с Россией. Послам поручено сверху наблюдать за постройкой корабля. Поручено это лично Кавадзи Тасиокира, награжденному еще и почетным именем Саэмон. Он является бугё финансов Японии. Это равно министру в Европе. Одно время он был министром береговой охраны. Кавадзи – душа делегации. Старик Тсутсуй старше. Он настоящий князь. А Кавадзи-чин из мелких самураев, но теперь высочайший чин, любому kami²⁰ признаться у него ума! Тсутсуй назначен на должность высшего цензора Японии для придания веса главе делегации. Но Тсутсуй понимает, что в свои восемьдесят лет он не может тягаться с Саэмоном. По сути, Кавадзи – глава. А Тсутсуй старший по положению и по возрасту, самый опытный из всех наблюдающих за постройкой корабля.

В письме сообщались сведения о здоровье посла, о доставке к его столу яиц и мяса, чашек, одеял и разных вещей. Сообщалось также о подготовке к делу. Так Эгава писал ежедневно.

Уполномоченные в Симода живут не зря. В этом разрушенном землетрясением и цунами городе они терпеливо ждут посла России, чтобы он оправился после гибели корабля. Пора начинать окончательные и решительные переговоры об установлении торговых и дипломатических отношений. Но зачем посол Путятин медлит? Простой народ видел теперь русских, шедших по нашей стране. Никто не испугался. Но с каждым днем правительство сильнее колеблется.

Кавадзи и Тсутсую все труднее дать русским те права, которые обещаны Путятину в Нагасаки. Япония накануне гражданской войны. Так тайно говорит Накахама Мандзиро. Он, конечно, преувеличивает. Зачем, зачем посол медлит! А тут еще эта секта Ничирен! И шпионы, доносы, укрепляющие силу ничтожеств. Эгава теперь должен ждать указаний от высших чиновников государства, временно проживающих в Симода.

Сегодня прибыл рис для адмирала – жалованье от японского правительства. Это будет включено в общий государственный долг России, который посол обещает выплатить золотом. Японцы носят на плечах доски. Как в Эдо, в деревне суэта и суматоха. Торговцы появились из других мест, несмотря на запрет въезда сюда. Купцы процветают, стараются получить позволение торговать во всех концах деревни.

В лагере с утра полно японцев. Русские и японские плотники делают топорами лекала. Носильщики идут с мешками угля. Везут рис, тащат вязанки дров. В порт без спроса идут все мимо караульных. Рабочие несут на плечах шесты с кадушками вареного риса.

В обед жены понесли рабочим ящички с едой прямо в лагерь. Морские солдаты пекут лепешки и варят суп. Рядом стоят матросы в очередях за рисовой кашей. Варить рис не умеют совершенно.

На женщин, как и сказал сегодня Путятин, никто даже внимания не обращает... Адмирал был в лагере утром и опять молился. Странно, когда шестьсот человек пели молитву. Путятин объяснял Эгава, что он всегда замечал в простом русском народе чистоту в отношениях к женщинам.

– Смотрят чисто и на японок, никогда не обижают. Матрос на женщину смотрит без тайной мысли, как на человека прежде всего. Нечистым взором не obeжит ее с головы до ног.

– Очень похвально! – соглашался Эгава.

²⁰ В этом случае – князю.

В лагерь пришел мальчишка из семьи Пьющих Воду вместе с матерью. Он ел из матросской мутовки рисовую кашу-размазню. Путятин не разрешил его прогнать.

Это чудесно, что посол честный. Но понимает ли посол, что при современном положении Японии он должен помочь нашей стране, а не требовать с нее? Иногда кажется, что посол это понимает. Взор его повернут внутрь себя, а не как у всех людей. Поэтому он пленяет собеседников. И он, наверное, думает не так, как все остальные люди.

Сибирцев пришел из Хосенди в дом Ота. Хозяин уселся за обед с ним вдвоем. Подавала мисс Ота.

Отец сегодня все время на нее поглядывал.

После креветок Ота спросил у Сибирцева, правда ли, что молодой, самый младший офицер Сюрюкети-сан, который сегодня чертил со всеми, приходится... Ота-сан заволновался, но потом dokonчил твердо: приходится родственником великому императору России и поэтому служит у посла?

Кто-то пустил такой слух. Кажется, это Константин Николаевич Посьет, еще когда стояли в Симода. Но здесь помянул об этом Шиллинг: желая набить цену себе и посольству, он рассказал переводчикам, что юнкер князь Урусов, красивый юноша, еще почти мальчик, с черными глазами, жгучий брюнет, с бровями как смоль, стройный, чуть выше среднего роста, похожий на японца, приходится родственником царствующей фамилии. Японцы не могут выговорить «Урусов» и называют «Сюрюкети-сан».

– Да, это правда, – сказал Сибирцев, – Урусовы родственники царствующего дома. – Он не стал объяснять подробностей. Но это правда. Урусовы – родня князей Юсуповых, а Юсуповы родня Романовым. Дальняя родня, по по-японски, кажется, ближняя, и вообще японцам дела нет и не будет, дальняя он или ближняя родня. Они в восторге и с трепетом смотрят на Урусова. Его желание для них – как повеление kami. В деревне Хэда родные русского императора! Самодержца империи громадных размеров, от вечных льдов до жарких стран юга! Это чудесно!

Ота знал, что деревня Хэда не раз была одарена вниманием императоров. Однажды, еще давно, император Японии подарил деревне Хэда рыболовецкое судно. И при судне императором подарена патриотическая песня. Она начинается словами: «Счастливо при императоре, счастливо!»

Ябадоо разучивает эту песню с рыбаками, и все вместе они при этом танцуют. А дареное судно попало теперь во временное управление не к Ябадоо, а торговому дому Ота. Об этом речь впереди. Споры идут ужасные.

– О-о! – вытянув губы, сделал испуганное лицо Ота. Казалось, нос его стал вдвое длиннее. – Но как же разрешается работать родственнику императора? Сегодня Сюрюкети-сама лежал целый день на брюхе и чертил, прихлебывая чай.

– У нас разрешается. У нас император встает в шесть утра и начинает сам работать.

– О-о-о! – Ота показывал, что потрясен. – И есть у вас еще родственники государя России?

– Среди наших офицеров нет. Вообще, у государя немного родственников. Только среди императорских и королевских семей Европы.

– О-о!

Ота практический человек, его проекты и расчеты точны, он всегда и во всем видел ясную и близкую возможность или далекую, но обязательную выгоду. В ясном уме его явились такие сложные, но ясные замыслы, о которых Алексей никогда бы не смог догадаться. Даже подумать не посмел бы!

Ота-сан самодовольно взглянул на вошедшую с чашками дочь. Она, конечно, расцветала!

Ота не желал пока еще посвящать в свои планы Аресей-чина. Но он очень благодарен Сибирцеву. Очень умный молодой человек. Он так и сказал дочери, что Аресей очень хоро-

ший, очень умный человек, она должна с ним быть очень любезна. Ота сказал, что очень интересно говорит Аресей. Очень хорошо, что он работает в нашем доме, ценный, интересный собеседник и советчик.

Оюки-сан почему-то разъярилась за эти слова на отца и покраснела до корней волос. Обед был поспешно закончен. Ота-сан и Сибирцев поднялись и пошли на берег, где уже собиралась многочисленная партия отправляющихся на осмотр.

– Так идем на Усигахора? – обратился адмирал с воодушевленным видом, подходя к толпой офицеров к поклонившемуся Эгава-чин. – В Усигахора удобное ли место?

– Да... да... – ответил уклончиво дайкан.

Путятин смотрел вдаль, и лицо его, обычно суровое и насупленное, стало мрачным. Невольно все, как по телеграфной проволоке, заскользили взглядами по направлению его взора и поднялись к вершине Фудзи. Там творилось что-то ужасное. Фудзи закрывалась. Вершина отсюда, с берега у края деревни, видна из-за скал. Только далекая белая голова Фудзи подымается из-за близкой и тучной сопки у входа в бухту Хэда. Это не малая горка, а Фудзи! Она закрывается... «Опять!» – подумал Путятин. Он сказал:

– Быть шквалу, господа!

Эгава понял. Посол все знает! Все предсказывает, как японец. Очень страшно. Кавадзи невозможно будет с ним бороться, это опасный противник. Путятин будет непобедим на переговорах... Нас ждет что-то неизвестное.

Эгава приказывал избивать лодочников за то, что бросили гибнущую «Диану» в море. Вся сотня их лодок разбежалась тогда по бухтам. Рыбаки уверяли, что это Путятин им велел, он понял, что идет шквал, предсказывая все по вершине Фудзи. Эгава полагал, что рыбаки хитрят. Как самые нищие люди в государстве они являются и самыми лживыми. Это их уловка... Но вот опять...

Ударил ветер в бухту. На заливе поднялись волны в пене.

Путятин долго смотрел в трубу и сказал, что волны величиной в полторы русских сажени.

– А в бухте волны только в один сун величиной! – с упреком добавил он. – И вы, Эгава-чин, оставляете такую бухту без внимания!

Он прав. Эгава и это знал. Но Эгава даже не смел ответить сегодня на прямой вопрос, удобное ли место для постройки корабля на Усигахора.

Налетел ветер, шквалы шли порывами. Лодочники заявили, что не поедут, не хотят утопить посла. Понесся снег. Деревья, как прутья, секли воздух и гнулись.

Путятин еще смотрел в трубу, кутаясь в клеенчатый плащ. Его собственные суда – баркас и шестерка – были вытащены на берег, их конопатили. Просили японцев привезти из леса мелких сосновых кореньев. В Хэда плотники не понимали, зачем это надо. Никто не знал, но плотники Аввакумов и Глухарев им толковали через переводчиков как бы про какое-то черное масло.

Путятин велел расходиться по домам и пить чай, а офицерам отправляться в чертежную.

Эгава очень дисциплинированный чиновник. Посол и адмирал просил совета, но Эгава не подает такого совета, чтобы Путятин потом не обижался и не досадовал. Нельзя повредить будущим отношениям. Посол и адмирал только сам принимает решения и распоряжается. Эгава не смеет подавать совета, который походит на решение. Несмотря на любовь к живописи, на стремление изучать науки и искусства Запада и на свои гениальные способности, Эгава звал, что должен оставаться чиновником до мозга костей. Только при этом условии может изучать науки. Как на Западе этого не понимают? Он был не только гениальным инженером-самоучкой и гениальным мастером живописи, он мог быть гениальным притворщиком и чиновником. Он умел вдохновенно лгать и проникнуться лучшими чувствами, с соблюдением всех особенностей служебного такта и аристократической деликатности.

Путятин взят на службу правительством Эдо. Ему назначен оклад, рис с мукой, сахар. Всем его офицерам назначены деньги. Если все это будет израсходовано в Хэда, деревня разбогатеет. Всем морским солдатам мука, рис и, если удастся, свинина или кабанина. И всем без исключения рыба. Все эти люди теперь как бы наши, они работают, обучая Японию. И Путятин гораздо выше Эгава по должности. Его офицеры выше, чем чиновники, приехавшие в Хэда. Японское правительство всем платит не зря. Но потом эти деньги русский царь возвратит Японии. Когда произойдет расчет долгов, тогда увидим по обстоятельствам, сохранятся ли государственное уважение и любезность или тоже будут взяты обратно.

Русские офицеры уже заявили Эгава, что им совсем не надо риса, только надо денег, так как они привыкли сами покупать, что им надо. Одним рисом обойтись не могут, но могут одним вином.

Эгава пытался доказывать, что рис – те же деньги. Матросы это понимали, но им рис не дают. А офицеры не понимают. Русским ведь не скажешь, что за мешок риса коряки во время шторма, задержавшись в порту, могут снять гостиницу или комнату в частном доме, взять жену на месяц или на два, и все будет оплачено, все будут довольны. За все без исключения можно платить рисом, и любые услуги будут предоставлены. Русские матросы это понимают. Напрасно офицеры не слушают, что им говоришь. Отвечают, что не согласны, никогда нельзя им сказать, что хотелось бы!

Путятин, как западный человек, светский, умный и образованный, великий путешественник, одним своим появлением создает новую историю Японии, хотя это нами не признается. Он характером твердый, человек могущества и принципа.

Мокрый, иззябший Ябадоо пришел домой и сам раздевался в сених, когда подбежала жена помогать.

– Сегодня никуда не пойду, – заявил муж в комнате, заталкивая босые ноги под низкий стол, под одеяло, где была горячая жаровня.

– Ну как твои дела с Ко-ко-ро-сан?

– Ко-ко-ро-сан очень хороший, умный! Очень верно служит своему императору! За каждое бревно, за каждую доску беспокоится. Это меня покоряет. Старается, чтобы не заплатить Японии лишнего. Очень хорошо понимает в сортах дерева. Деревья называет по-японски. У него есть глаз и умение.

– Он с тобой вежливо говорил?

– Он офицер императора и умеет строить европейские суда. Если бы он грубо говорил, тогда не надо было бы это вспоминать. Как мог увидеть трещину внутри? Под корой все видит. Но трещины нет. Ответственность за постройку судна на мне, а они работать не начинают, только разговаривают. Погода им мешает. Но знают дело. Я успокоился, когда понял Ко-ко-ро-сан. Построит хороший корабль! Возраст дерева знает... Сухое или сырое. Сколько сушили.

– Он не японец?

– Нет.

Ябадоо имел слабость чваниться на людях. Дома он смешлив. Согрев ноги, он вскочил и стал поспешно изображать, как ходит капитан, как ест посол, как матросы едят рис, а ложки прячут в сапог. Собрались все девчонки и все хохотали. Отец только умолчал, что Ко-ко-ро-сан назвал его «старый хрыч».

– Да, у Ота бардаки и магазины, – сказал самурай, утешая жену и детей, – а у меня честный труд. Конечно, бардаки выгоднее содержать, чем работать.

Утром небо прояснилось.

Ябадоо темнее тучи шел по берегу, когда увидел Колокольцова – просиял. Сложил губы бантиком, словно пробовал конфетку. Он обрадовался, как будто встретил родного племянника.

Александр Александрович насторожился: «Почему Ябадоо стал так хорош? Я его обругал вчера, а он рад, словно сам оставил меня в дураках».

Ябадоо показал на бухту и на гору, куда вчера не попали. Он сказал по-русски:

– Поедем... седне...

– Поедем, – отвечал Колокольцов.

Ябадоо, подойдя к Татноскэ, просил перевести, что сегодня после осмотра места скажет для Ко-ко-ро-сан что-то очень важное. Ябадоо нахмурил брови, грозно вытянул лицо и тут же ласково улыбнулся Колокольцову.

Глава 10. Ущелье быка

Серые облака редью шли через теплевшее солнце. За полукруглой косой в валунах и соснах – в море идут волны. В бухте их почти нет, от этого вода кажется еще синей и холодней. Она прозрачна до далекого дна, где просматриваются с причала дохлые рыбины, как утонувшие большие куски белой бумаги.

Вода билась и хлюпала под сваями, куда пришвартовывалась большая японская фунэ, сен коку фунэ, корабль в тысячу тонн, поданный сегодня Эгава для посла.

Елкин встал у тяжелого бревна – правила – с двойной лопатой на конце. Гребцы в коротеньких ватных халатах, падая, налегали грудью на весла. Длинная гора покатила тучными быками коричневого камня мимо, фунэ прошла под вогнутой кручей. Деревня осталась сзади.

В это время погода опять переменялась, угас сиявший в солнце пологий дальний берег, где местные плотники строили лодки для рыбаков. Сизые облака впереди набухали и лохматились, небо потемнело от гор до гор, словно над бухтой натянули мохнатый потолок. Ветер захолодал, свет моря погас, вода померкла и стала серой.

По коричневому быку с лесом на вершине облако тумана при сильном ветре покатилося вниз. Фунэ вышла на траверз лесистого ущелья, и облако понеслось ей навстречу. Оно закутало все вокруг, но вдруг проредилось, приоткрывая лес и дремучее ущелье.

Японцы и матросы, видимо, уже знавшие друг друга, перескочили с борта на свежестроенный причал на сваях, закрепили канаты и поставили трап, делая все это дружно, без слов понимая друг друга, словно служили в одной команде.

Площадка частью вытоптана, а частью в кустарниках и молодых деревьях. Прокатана лесотаска, ведущая к причалу от ущелья. Наверху высокая круча вся в лесу, по ней столбом идет в туман крутое ущелье. По чаще наверху заметен лишь широкий желоб из лесных вершин. Он подымается и тонет в мохнатом потолке облаков.

Внизу, у скалы, обрывающейся к морю, примостилась жалкая лачужка. Из нее высыпало многочисленное население – лохматые ребятишки, женщины и японец, малый и шуплый, как подросток.

В ущелье, в стороне от тропы-лесотаски, на поляне, амбар с большой крышей. Крыша с навесом из травы, как толстый шлем с козырьком или дайканская шапка. Стены снизу не зашиты, чтобы ветер гулял низом и сушил лес, там видны доски и брусья.

– Чей амбар? – спросил Колокольников.

– Ота-сан, – ответил Эгава.

Ота тут. Он поклонился.

Ябадоо тоже тут. Он тоже поклонился. Сегодня, может быть, решительный день, и Ябадоо прощался с семьей так, словно шел на войну. Ябадоо знает про себя, что он грубый, страшный, он строит рожи, всем грозит и наказывает зависимых от него рыбаков и рабочих. Надо, чтобы его боялись. Но он очень сердечный семьянин. Он помогает жене купать ребятишек. Свою младшую дочь-малютку он носит на руках, нежит ее, обнюхивает ее чистую головку. Страшный Ябадоо становится добрым, как старая баба, когда он дома. Поэтому на людях он старается казаться как можно грознее, чтобы видно было всем, что он настоящий самурай. Даже князь Мидзуно обязан с этим согласиться. Иначе он враг правительства.

Очень утешает Ябадоо, как обругал его вчера смело Ко-ко-ро-сан. Сильный императорский офицер, гибкий, как стальной прут, олицетворяет здоровье и крепость. Глядя на него и сознавая, что можно извлечь пользу и научиться европейскому кораблестроению, Ябадоо забывал о своей неприятности. А нет такого японца, который не смотрел бы далеко вперед и не желал бы иметь крепкую ограду у своего дома. Ко-ко-ро-сан обругал его грубо вчера. Он этим понравился. Он выказал дельное мужество, хозяйскую сноровку и скупость! Как раз это нужно.

Лесовский отошел к опушке леса, вымеряя площадку шагами. На мокрой траве оставались следы его кованых каблуков.

Стапель еще не проектировали, но Степан Степанович с видом хозяина прикидывал, как он встанет. Для стапеля площадка может быть покатой, это даже хорошо, но тогда грунт должен быть твердым.

Эгава записывал, сколько камня потребуется. В горах трудятся каменоломы, забивают в скалы деревянные клинья, потом этот клин бухнет и дерево ломает камень. Русские еще не подумали, а Эгава знает, что тут площадка сползет в море, если ее у воды не укрепить камнями, как берег в Осака у входа в реку, там, где построены две башни.

Все пошли за адмиралом к сараю, в котором хранился лес.

Запахло чем-то очень приятным – кипарисом, или сандаловым деревом, или просто хорошей душистой сосной.

– Доски и брусья заготовлены давно и хранятся здесь для постройки кораблей, – пояснил Ота, – но постройка фунэ прекращена до тех пор, пока мы не научимся от вас строить западные суда.

– Хорошей пилки. Сухие доски, – сказал Колокольников.

– Спасибо, – ответил Ота. – Эти доски я дарю вам... совершенно бесплатно...

Ябадоо бессилён. Но Ябадоо чадолюбив. Вечер вчера и все раннее утро сегодня он провел с детьми. Поэтому так мрачен. Нет от них радости. У него нет здоровых, крепких сыновей, каким сам он был в их возрасте. Он знал, что у захудалых самураев и у мелких пыжащихся чиновников, у этой мелкой сошки, выдающей себя за аристократов, часто дети нездоровые. В этих семьях стыдятся труда. Еще хуже у князей; их сытые, здоровые сыновья так истаскаются, что негодны быть отцами. Самое страшное для Ябадоо – остаться без крепкого наследника. Его первая цель в жизни – стать самураем. Вторая – иметь наследника. Чем сильнее наследник, тем лучше для Японии. Третье для себя – опередить Ота, стать богаче Ота... И научиться западному судостроению. Но держишь мальчишку на коленях и думаешь, что слабенький и глупенький. Как же тут не важничать на улице перед людьми?

Все выслушали мнение Ко-ко-ро-сан очень серьезно, и Ябадоо поглядел на него с благодарностью и надеждой.

– Здесь строились когда-то корабли для перевозки нашего камня в столицу, – объяснил Эгава, выходя.

– Поручик, произведете промер у берега, – сказал Путятин, обращаясь к Елкину.

– Зачем это пригодится? – спросил Уэгава Деничиро, чиновник из столицы. Третий по важности и чину после Накамура Тамея и Эгава. Он в прошлом году ездил на Сахалин по поручению правительства. Не член делегации Японии, но один из самых энергичных молодых ее служащих.

– Необходимо знать глубины для спуска корабля, – ответил Путятин. – А как называется это место? – обратился он к дайкану.

– Это Усигахора.

– Как перевести?

– Долина быка, – перевел Татноскэ.

– Чья же тут земля? – спросил Сибирцев.

Его начинали интересовать отношения крестьян и помещиков в Японии. Крепостного права нет, но есть зависимость, суть которой до конца непонятна.

– Это земля Ота-сан, – неохотно ответил Татноскэ.

– А чья гора?

– Это гора господина Ота.

– А мне сказали, что вся северная часть деревни принадлежит князю с прилегающими землями, а южная – другому князю?

Путятин – сам помещик, его также интересовали земельные отношения. Он взглянул на дайкана. Эгава понял, что придется объяснять. Все, что они хотят узнать, до сих пор, наверное, тоже являлось тайной. Вообще тайн так много! Но если посол зачислен в список Эдо, а страна открывается и подготавливается к международной торговле, то на такой вопрос можно ответить.

– Это владения князя Мидзуно из города Нумадзу, – сказал Эгава.

– Как же вы говорите, что земля и гора принадлежат Ота? – обратился Сибирцев к Татноскэ. – Может быть, земля в аренде у Ота?

– Да, да, – закивали японцы головами.

– Или собственность Ота?

И с этим согласились. Потом Татноскэ сказал:

– Нет, это не аренда. Это земля Ота.

– Или владения князя?

– Да, владения князя...

– Господа, довольно воду в ступе толочь! – объявил Степан Степанович Лесовский.

– Эти доски пойдут на лекала, – заметил Колокольников.

Вызвали матросов и рабочих.

– Выносите все! Тонкие доски кладите отдельно, – велел Александр Александрович, – а плахи нужны для стапеля. Скажите переводчику, чтобы их люди помогли.

Вошли японские рабочие, прибывшие с Эгава и до того сидевшие на поляне на корточках.

Вася Букреев впотьмах не заметил чурбана и зашиб ногу.

– Едят тебя мухи! – запрыгал он.

Молодой японец Таракити с трудом подхватил опущенный конец плахи.

– Давай-ка, брат! – сказал Берзинь. – Бери... А теперь...

– Раз-два – взяли! – сказал по-русски Таракити. Это тот самый молодой японец, который в храме Хосенди, когда Колокольников стал при всех иронически отзываться о японском судостроении, вдруг спросил серьезно: «А как у вас?» Еще тогда все обратили на него внимание.

Берзинь и японец подняли на плечи и вынесли тяжелую доску.

– В этом помещении, господа, можно расположить кузницу, – сказал Путятин, осматривая сарай снаружи.

Шиллинг перевел по-голландски, что помещение годно под кузницу, но надо переменить крышу. Соседний сарай адмирал приказал разобрать – нужна площадка для стапеля.

– Есть ли у вас кирпич? – спросил Колокольников дайкана.

– Да, конечно, кирпич у нас есть. Сообщите, сколько надо. Мы доставим лодками.

– Мы вам уже говорили, что дальше нам не обойтись своими плотниками и кузнецами. Работы будет много.

– Все плотники этой деревни работают, выполняя заказы адмирала. Сюда идут плотники, судостроители из других мест. Всего завтра будет семь артелей.

Елкин вернулся с промера, когда адмирал и офицеры стояли у самого начала ущелья, казавшегося крутым, падавшим с неба желобом, заросшим лесом.

– Наверху хороший лес. – Елкин показал на обрыв. – Надо рубить самим и валить, не спрашивая цены.

– Как это, не спрашивая цены? – закричал Евфимий Васильевич.

– Алексей Николаевич, этот сарай разобрать, а тот – под кузницу, – велел Колокольников. – Вы произведете съемку площадки и расчеты. Я полагаю, места тут вполне достаточно, однако часть горы придется срезать, чтобы поставить кнехты.

Колокольцов и Сибирцев прошли по всей площадке. Потом оба враз ловко вскочили на каменный обрыв и рывками стали подниматься вверх по липкой и мокрой почве. За ними полезли матросы.

– Сосны – и тут же пальмы растут! – воскликнул Леша.

Внизу затрещали стены сарая, доски и стропила полетели на землю.

– Ой-ё-ё, Вася! – крикнул Маслов сверху, завидя Букреева у сушильни водорослей.

Когда все возвратились в деревню, у ворот чертежной стояла толпа девиц, глядя на часового.

– Их никакой силой не отгонишь, – пожаловался матрос.

– А что им надо? – спросил Лесовский.

– Да просто стоят, и ничего им не надо. Дети!

...Утро. Под открытыми окнами чертежной цветут красные камелии. Стенки убраны. Офицеры и юнкера без мундиров ползают по полу, лежат на листках бумаги с линейками, циркулями, кистями и чертежными карандашами. В окна заглядывают дети.

– Приглашен знаменитый математик и ученый, чтобы сделать точные расчеты и высчитать соотношения западных мер с японскими, – объяснил Татноскэ.

Ота-сан тут же. Он сам пригласил математика.

– Юнкер Корнилов, дайте рисунок крепления шпангоута с килем, – сказал Колокольцов. Он велел чиновникам потесниться, а плотникам сесть поближе.

Японцы окружили своими бритыми головами столик, на котором появился чертеж.

– Смотрите. Вот эти две части скрепляются стальной пластиной, которая согнута и образует прямой угол. Одна сторона крепится наглухо к килю, а другая – к шпангоуту. Ваши японские суда строятся целиком из дерева. На наших кораблях множество железных частей. Все рисунки будут готовы для кузнецов завтра.

Рассмотрев чертеж горна и мехов, Эгава сказал, что уже привезены японские мехи, которые для японских мастеров привычней, и что японцы будут разогревать поковки по-своему, а русские кузнецы могут ковать, как им привычно.

– У них мехи, Александр Иванович, – сказал кузнец Залавин, – как ящик с поршнем. Вроде паровой машины.

– Завтра, господа, с утра прошу представить мне ваших мастеров, с которыми я буду работать, – сказал Колокольцов. – Устройство корабля я должен объяснять не чиновникам, а мастерам. Срочно начинаем дело. А теперь адъё...

– Что такое «адъё»? – спросил Татноскэ. – На каком языке?

Колокольцов поспешно улыбнулся и постарался полюбезнее распрощаться с дайканом. Остальных чиновников, пожелавших задержаться, велел гнать из чертежной и никого не подпускать зря.

Ябадоо с крыльца вперил свой свирепый взгляд в топор, которым матрос тесал лекало.

Колокольцов вышел. Солнце грело по-весеннему. Ябадоо кланялся и, подойдя, о чем-то заговорил. Из лагеря слышались крики – там, видно, приводили в порядок войсковое имущество. Каждый у Путятина знал свое дело. Подоспевший Татноскэ объяснил Колокольцову, что Ябадоо приглашает его к себе на обед.

Колокольцов нащупал в кармане куски сахара, который сам завернул в японские чистые салфетки. Он брал сахар, чтобы раздавать детям.

Почтительно глядя на Колокольцова, самурай сморщил лицо, вытянул губы дудкой и все кланялся, а переводчик опять повторил, что Ко-ко-ро-сан приглашается на обед.

В храме Хосенди адмирал собрал за длинным столом всех, как на военный совет.

– Господа офицеры! – объявил он. – Приступаем к закладке первого в истории Японии европейского судна. Нечего говорить вам о значении этого. Господа! Я назначаю командиром строящегося корабля Степана Степановича. А заведующим постройкой – вас, Александр

Александрович! Сам я в ближайшее время должен буду отправиться в город Симода, чтобы продолжить переговоры с японским правительством. Наш корабль – школа для японцев. Но все зависит от вас, господа, и также от наших людей...

– Сегодня же начнем проектировать стапель, – объявил Лесовский.

Вечером Колокольцов сидел у Ябадоо за лангустами, креветками и саке. Самурай вытягивал губы дудкой. Пили из маленьких чашечек. Ябадоо долго что-то объяснял. Оказалось, что он просит переехать Александра на новую квартиру.

Куда? Зачем?

Ябадоо ужасно смутился. Потом приосанился и пояснил, что если переехать к нему, то удобней будет работать вместе. Можно все время говорить о деле и советоваться, приходиться пить чай. К этому дому ближе источник с хорошей водой.

«Однако, – подумал Колокольцов, – предложение, конечно, заманчиво».

Ябадоо добавил, что даст несколько комнат, Александру будет очень удобно и тихо, у него будут слуги.

Убраться с глаз капитана – ради одного этого стоит! Неплохо бы зажить вольной жизнью! При всей своей строгости, любви к делу и самодисциплине Александр полагал, что все же тут он зажил бы на славу! Японец – царь и бог в своей деревне. Но надо очень осторожно... Пока нечего и заикаться. А Ябадоо, кажется, умел брать быка за рога.

Вошла жена самурая, на этот раз с Сайо. Обе встали на колени перед Александром. Сайо, как статуэтка, она маленькая, у нее свежие щечки, взгляд глубокий, но острый и со странным оттенком как бы покорной оскорбленности. А все же что-то милое и очень привлекательное есть в скуластом обиженном личике.

«Обязательно надо переехать!» – решил Колокольцов.

На другой день Ябадоо-сан созвал рыбаков. Официально он беседовал только со старостами артелей, но к Дому Молодежи все собрались кто мог, и все тянули уши, желая знать, что скажет Ябадоо.

Необходимо было очень ясно объяснить рыбакам всю их ответственность. Время очень опасное. Эбису – это дикари, варвары. Их надо страшиться. Очень опасно просто приближаться к ним.

Рыбак Сабуро из дома У-Горы слушал и улыбался. Это дерзость, безобразие! Говорит самурай по надзору над рыболовством на опаснейшей морской границе, а парень из нищего дома У-Горы слушает с веселым видом.

Фамилий у батраков и крестьян не было. Запрещено иметь фамилии! Так они умудряются обходить запрет. Название дому не запрещено давать. Есть дом «Кит», есть дом «У-Горы», и прозвища домов потом становятся привычными в обиходе и употребляются как фамилии крестьян и рыбаков.

Рыбаки – самые ничтожные, самые нищие люди в Японии. Самые низшие! Хотя и в крестьянском сословии. В части деревни князя Мидзуно есть шестьдесят один рыбак. А в другой части, принадлежащей Огасавара, – тридцать шесть рыбаков.

А У-Горы как бы сдерживал ухмылку. Безобразие! Плохой рыбак! Очень злой и пьяница. Совсем еще молодой, а говорит, что море знает лучше всех, умеет лучше других ловить рыбу. Но где водку берет? Вот мы спросим: на какие средства пьете водку чуть ли не два раза в месяц? Пьянчуга ужасный!

– Нельзя сблизиться с эбису. Дикарь таким останется всегда. У них лживая, отвратительная религия, проповедует насилие, ложь, разврат, обман, кровосмешение, все их женщины – отвратительные чудовища. Но кто из вас обманется, кому покажется, что русские морские солдаты – хорошие и добрые и что у них очень добрые глаза или сильные, умелые руки, или если увидят, как они всегда ребятам дают хлеб и сахар и жалеют их, или кто услышит, что эбису помогали в Симода потерпевшим от цунами строить дома, тот может подумать, что русские –

хорошие. Тогда от правительства все будут наказаны очень строго, до пытки огнем и железом. Это очень низко, страшно и бесчестно, ниже нашего достоинства – подходить к эбису. Отходите сразу, если они подходят. Рыбы не давайте. К источникам воды не подпускайте – могут отравить.

– Ах, так! – злобно вскрикнул старый рыбак.

Толпа заволновалась. Источниками воды богата деревня, все родники оберегаются.

– А они купаются в реке.

– Это ничего... Пусть... А то они очень грязные, вшивые и вонючие...

Опять прошел шум по толпе собравшихся у избушки Дома Молодежи.

– Мы их учим и стараемся отмыть. Если не хотите заболеть или чтобы зараза попала в дом, близко не подходите, не пускайте в дома и не разрешайте детям и девушкам подходить к ним близко. Это несносные люди, очень плохо плавали по морям, ленились. Корабль был плохой, разбился. Бакуфу их пожалело, как несчастных бродяг, и разрешило нам их кормить и дать им работу – сделать другое судно и скорее убраться прочь из Японии, чтобы никогда сюда не приходили. После их ухода будет огнем выжжен их лагерь, их дома. Вместе с их вещами будут заживо сожжены правительством все, кто с ними вел знакомство. Будет выжжена память о них из японских сердец. Поэтому вы – умные, честные рыбаки. Вам император Японии подарил песню. Начинается: «Счастливы при императоре...» И при песне корабль! Это честь! И вы должны оправдать...

Тут парень из дома У-Горы хмыкнул. У него в кармане деньги. Он украл рыбу из общего улова и отнес офицерам в Хосенди... И ничего страшного! Дикарь наш самурай, а не мы и не эбису!

Но самурай заметил ухмылку. И он увидел даже больше, чем было на самом деле, как бдительный страж правительства бакуфу, который очень строго, строжайше запрещает другим делать то, что сам делает. Но никто про это не знает, а некоторые догадываются и думают: мол, и нам можно... Нет, вам нельзя! Мы вас научим порядку! Заставим уважать песни императора!

Надо было наказать этого парня из дома У-Горы как следует. Что нам с ним делать? На чем бы его поймать?.. Наказать примерно в Доме Молодежи, который построен не только для собраний, но и для наказаний. Ябадоо посоветовался с Танака-сан, старшим инспектором полиции. Тот ответил: совсем необязательно иметь доказательства. Виноват каждый. Невиноватых нет. И чем меньше доказательств, тем надо страшней наказывать и тем это полезней, так как устрашает остальных рыбаков.

Убедившись, что старшины рыбаков озабочены, Ябадоо уже думает о возможной ужасной судьбе своих детей, о соблазнительном христианстве, за проповедь которого правительство приказывало кидать в кратеры вулканов целые семьи, о болезнях, зараза которых может проникнуть в дома, обо всем множестве опасностей, грозящих Японии...

Тут было расвирепевший Ябадоо увидел идущего Ко-локольцова, наскоро отдал рыбакам распоряжения и, просяив, сложил губы бантиком, глядя с восторгом на своего кумира, поспешил к нему с поклонами и подал руку по-западному.

В доме Ота на полу, с которого убрали циновки, сидели семеро японцев. Все с утра вымылись чисто, надели новые халаты. Пришли с тушью, кистями, с бумагой, с измерительными инструментами, с угольниками и линейками.

Сидят, поджав ноги, и слушают.

Все видели, как матросы во дворе циркулями измеряли на досках что-то, мелом размечали доски и вырубали топорами лекала. Сегодня японские плотники познакомились с таблицей русских мер. К сожалению, старшины артелей все понимают медленно, поэтому Колокольцов обращался к молодым.

Теперь, как полагает плотник Таракити, надо ему нанести меры русские и японские на собственный угольник и на линейку с разных сторон, и, переворачивая инструмент, можно

сразу переводить одни меры в другие. Но есть много еще неясного, надо будет узнать, спросить ученого-математика Матсусиро.

– Это не части корабля, который мы будем строить, – объяснял Колокольцов, – это лекала. По их размерам из кривых сосен будем вырубать части шпангоутов. Основа нашего строящегося корабля – киль. Постройка судна начинается с установки кия. Киль – это продольная балка, или, как называется у вас, кость дракона...

Плотники засмеялись.

Рядом с Таракити сидит старшина артели плотник Кикүти. Тщательно перерисовывает киль на свою бумагу.

– Киль придает кораблю устойчивость, – продолжал свой урок Колокольцов. – Килевые суда проходят огромные расстояния, плавают вокруг земного шара, выдерживают штормы... Как вам должно быть известно, земля круглая... Японцы смогут плавать по всем морям, когда научатся строить килевые суда...

Когда лекция окончилась, Таракити попросил позволения поговорить.

– Говори, – сказал Колокольцов.

– Как и куда надо поставить киль и на чем он держится во время постройки?

– Строится стапель, и киль устанавливается на стапеле. Это увидите скоро. Но прежде чем строить стапель, надо расчистить площадку от кустов, колючек и ваших карликовых пальм, заготовить лес, построить причалы, свезти материалы... Начнем работу с изготовления лекал по чертежам. Прежде посмотрим на лекалах.

Таракити смотрел, как Сизов, глядя на рисунок, тешет топором доску. Таракити взял малую пилу и, ставя доску стоймя, начал выпиливать, глядя на чертеж. Пила в аршин длиной, но широкая, изогнутая, как дуга. Матрос смотрел, как может плотник управляться с таким инструментом. Плотник тянул ее к себе, а потом, казалось, пила сама тянет обратно, своей тяжестью давит и режет дерево, дело шло, и все получалось. Весь чертеж японец изрисовал иероглифами. Иногда измерял расстояние между меловых отметок и сверял по чертежу. К обеду он прислонил кривое готовое лекало к каменной стене двора.

– Был бы табак, стоило бы тебя угостить! – сказал ему Сизов.

Японец, кажется, догадался и достал коробочку с табаком. Матрос взял у него кусочек тонкой бумаги и скрутил сигарку.

– Алексей Николаевич, что вы не спите? – раздался ночью за перегородкой голос Можайского.

– Холодно, согреться не могу.

– Ужасный холод. Мне кажется, нигде так холодно не было, как в Японии.

– Это все из-за их жаровен! – послышался за другой перегородкой раздраженный голос Колокольцова. – Печей нет, какая-то хлябь, сырость, ни согреться, ни отдохнуть.

– Вот вам и страна цветов... И день и ночь зябнешь... Да, это из-за их способа обогреться. Печей не строят, опасаются пожаров...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.